

РАБЫ КУЛЬТУРЫ

ИЛИ

почему наше Я
лишь иллюзия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Соболев

Павел Соболев
**Рабы культуры, или Почему
наше Я лишь иллюзия**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67577429

SelfPub; 2022

Аннотация

Мы уверены в уникальности нашей личности, наших убеждений и ощущений. Но это большая иллюзия. Наше Я создаётся в рамках конкретной культуры, выкраивается по её лекалам и функционирует по её кодам. Жизнь человека разворачивается по давно и ещё до него созданным культурным сценариям, о необязательности которых он даже не задумывается.

С опорой на социологию и психологию в книге показано, как культурные шаблоны определяют не только мышление и поведение, но и ощущения людей.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Введение	4
Описания и Предписания	7
Мы нуждаемся в ориентирах	19
Культура имеет значение	28
Главный ориентир – Другие	39
Наши эмоции – не критерий истины	46
Трансляторы культуры	50
Скрытая реальность, или Доминируемые знания	67
Как часто мыслит человек?	100
И что в остатке?	115
Список литературы	122

Павел Соболев

Рабы культуры, или Почему наше Я лишь иллюзия

Введение

*"Нет рабства безнадежнее, чем рабство тех рабов,
себя кто полагает свободным от оков"*

(Гёте. Вольный перевод фразы из романа
"Избирательное сродство")

Выхожу из лифта и иду к своей квартире. Навстречу – пожилая соседка, за руку ведёт свою 3-летнюю внучку. Любезно здороваемся и расходимся в разных направлениях. Уже за спиной слышу детский голосок: "Аео... очка?" Пока бряцаю ключами у дверного замка, мозг из миллиарда нюансов контекста восстанавливает нерасслышанное: "А где его дочка?"

Оборачиваюсь назад – влекомая за руку прочь кроха, семеня ножками и сворачивая шею, с любопытством разглядывает меня.

– У него нет дочки, – отвечает бабушка уже где-то далеко. И уводит ребёнка во внешний мир, наполненный тоннами

других норм и образцов, которыми потом будет деформирована её юная головка.

Человек познаёт жизнь через усвоение общественных норм. И речь не о таких нормах, как запреты или поощрения в духе "Плохо" или "Хорошо", а о более мягких и прозрачных вариантах нормы, нормы как ориентира развития.

Изначально ползающий ребёнок по образцу взрослых начинает ходить. С их образцов он начинает копировать жесты, позы и некоторые нюансы мимики.

По образцу взрослых ребёнок начинает говорить. По их образцу он начинает носить одежду. И всё это становится частью самого человека настолько, что значительно позже у него даже возникает иллюзия, будто всё это было с рождения: что ходить он не учился, что учиться говорить ему тоже не было особой нужды, и что носить одежду он стал бы в любом случае, даже если бы вырос в коммуне nudистов на юге Франции, а испытывать отвращение к грязи и собственным нечистотам он тоже якобы начал бы совершенно самостоятельно. Редко кому приходит в голову, что всему этому он научился, присвоив себе задолго до него сложившиеся нормы человеческого поведения.

Человек создаёт себя, присваивая общественные нормы. Он наполняется ими, как сдутый шарик гелием, и становится тем, кто есть, – членом общества. Обладателем общественного сознания. Хранителем общественных норм. И, конечно, непременно при всём этом считает себя индивидуально-

стью, уникамом, хотя не обладает ни малейшими доказатель-
ствами этого. Кроме желания таковым быть.

Отныне он с искренней детской наивностью убеждён, что на самом деле это "он так считает", что на самом деле это "он так чувствует". Но в действительности без внешних норм, которые в ходе усвоения становятся нормами внутренними, человек не мог бы ничего толком "считать" и "чувствовать". Упавший ребёнок пытается понять, что чувствовать и как себя вести, мгновенно выворачивая голову в поисках реакции взрослых. В присутствии других людей, увидев что-то необычное или пугающее, мы в первую очередь смотрим на реакцию остальных, чтобы понять, действительно ли это что-то необычное и пугающее или же мы что-то не так поняли

В силу специфики языка в раннем детстве освоив чтение слева направо, отныне и прошлое нам представляется слева, а будущее – справа. Даже старый дед в Магадане думает о планах на неделю, представляя её как раскрытый дневник из школьного детства.

Наши представления о жизни обусловлены нашим опытом, но поскольку опыт наш культуроспецифичен, то и восприятие жизни также обусловлено культурой, общественными влияниями.

Описания и Предписания

Как себя вести, что чувствовать и о чём думать – в любой ситуации мы отталкиваемся от соответствующих образцов, которые успели где-то мельком, порой даже неосознанно, подсмотреть. Когда мы в красных сандаликах и с разодранными коленками рассекаем по кустам возле дома, мы уже напичканы такой порцией шаблонов и социальных норм, что их груза нам хватит до конца жизни. Мы – биологические организмы, шагу не могущие ступить без инструкции. Но в комплект она не входит. И поэтому мы "списываем" её у других.

Моя габаритная подружка в моменты ссор с молодым человеком непременно заливалась слезами и с криками "Ты гад!гад!гад!" принималась методично молотить в его грудь своими недетскими кулаками. Ещё в детстве она видела фильм, где героиня точно так же в порыве истерики колотила в грудь героя, но тот не отбивался, а уверенно обхватывал её, прижимал к себе и страстно целовал – такой был образец любви, увиденный в детстве. Но её молодой человек смотрел другие фильмы. И потому каждый раз она вколачивала его тощее тельце в угол и к полу, всё чётче убеждаясь, что он её не любит. Рыдая, своим подругам она сокрушённо говорила: "он **должен** был меня обнять!".

Схожей траекторией мыслила и девчонка на одной вечеринке, севшая мне на колени и принявшаяся теревить мои волосы. Я пытался пить вино дальше, но процесс становился всё более трудоёмким. Намекнув задорнице, что она осложняет винопитие, в ответ я услышал:

– Да нет же! Ты должен сделать вот так! – Со всей хмельной непосредственностью она берёт мою ладонь и демонстрирует, как я должен был заломить её руку за спину. – А потом ты должен прижать меня и поцеловать...

Так наблюдаемые образцы превращаются в причудливые нормы. Маленькая девочка, с рождения наблюдая вокруг себя маму и папу и другие пары родителей, вскоре сама подходит к незащитному мальчику и выдаёт с угрозой в лицо: "когда вырастем, ты на мне женишься!"

Она сама ещё не понимает, что такое и зачем этот брак, супружеский долг и раздел имущества, но зато она уже чётко понимает, что надо делать в будущем. Нюансы не важны, важно направление.

Норма выводится по вполне себе арифметическим законам. Если ребёнку показать 100 женщин, 80 из которых будут замужем, а из них 70 ещё и с детьми, то ребёнок посчитает, что "нормальная" женщина – это замужняя и с детьми. Следовательно, незамужняя и бездетная женщина – это ненормально. Но самое главное, что здесь уже есть не просто статистика, но и выражение оценки. Действитель-

ность начинает оцениваться в критериях той самой нормы. Объективное описание ("из 100 женщин 80 замужних, из них 70 с детьми") превращается в субъективную оценку ("женщина **должна быть** замужней и с детьми"). Именно этот переворот в явлении нормы и оказывается интересным и важным: превращение **описания** в **предписание**. Норма как характеристика статистическая очень скоро становится характеристикой идеологической. Норма обретает ценность. Она становится ориентиром и обретает власть призывать и даже требовать. И дальше от способности судить о действительности норма переходит к способности действительность осуждать. От суждения к осуждению. От **описания** к **предписанию**.

Эта удивительная метаморфоза в философии известна под названием **Принципа Юма**: категорическая невозможность логического перехода от описания ("так есть") к предписанию ("так должно быть"). Почти триста лет назад в "Трактате о человеческой природе" Дэвид Юм заметил, что каждая этическая теория начинается с описания фактов и сопровождается связкой "есть", которая по ходу дальнейшего изложения незаметно подменяется связкой "должно". Юм показал, что такие переходы необоснованны, и из "есть" не может вытекать никакого "должно". **Предписание** не может вытекать из **описания**. Но среднестатистический человек не замечает этой подмены в своём мышлении – уж больно тонка для его понимания грань между "есть" и "должно быть".

Когда я пояснял искусственность моногамных отношений одной очаровательной девчонке, я говорил, что со всяким любящим человеком бывало, что он вдруг встречал кого-то ещё неординарного, к кому вдруг просыпался интерес, помимо "основного партнёра". Девчонка тут же всплескивала руками и вскрикивала: но это же неправильно!

Я слегка озадачивался и пытался пояснить снова, но ещё раз встречал ту самую реакцию. Стало понятно, что между нами если не бездна, то значительный провал. Я пытался пояснить, что говорю не о том, что правильно или неправильно, а о том, как есть, как бывает. На что она опять вскрикивала: но так же нельзя! Это неправильно!

И как я дальше ни силился, так и не смог объяснить, что мы говорим о совершенно разных смысловых уровнях. В ответ на мои описания того, какая объективная действительность есть, она эмоционально противопоставляла свою субъективную действительность, которая "должна быть". Она так и не поняла, о чём я. Для неё **описание** и **предписание** ничем друг от друга не отличались. В царстве обыденного сознания Принцип Юма поперан, растоптан и погребён в безымянной могиле.

Ребёнок, с рождения наблюдая маму у плиты, выводит норму: "женщина **должна** готовить". Не "женщина готовит" (описание), а именно "**должна** готовить" (предписание).

С самых ранних лет мы постоянно видели мальчиков

только в штанах (я говорю о своём позднесоветском детстве) – в итоге мы вывели норму: "мальчики **должны** носить штаны". Поскольку и девочки в нашем советском детстве редко надевали штаны и ходили в основном в юбках, то и на их счёт норма гласила: "девочки **должны** носить юбки". И дальше мы старались уже самостоятельно подчиняться выведенным нами же нормам. И этот причудливый процесс нормообразования в дальнейшем будет позволять нам не только принуждать женщин к занятиям "женскими делами", а мужчин – "мужскими", но даже и откровенно порицать, осмеивать тех, кто вдруг возьмётся не за "своё дело".

В XV веке одно из предъявленных обвинений сожжённой на костре Жанне Д'Арк состояло в ношении мужской одежды. Мы ушли, но не далеко.

Когда мне было неполных одиннадцать, меня сильно раздражала необходимость заправлять футболку в штаны: при активных движениях она вечно съезжала куда-то в сторону, комкалась, топорщилась пузырём – снова и снова её приходилось расправлять под штанами. Увиденный в ту пору американский фильм с подростками, носящими футболки на выпуск, очень обрадовал. Не без волнения, но я сделал так же и вышел из дому. Все окрестные дворы смотрели на меня, будто измазанную дёгтем порочную девку вывели на осмеяние. Футболка **должна** быть заправлена.

Многие спрашивали меня, зачем я так оделся. И каждому

я объяснял. Даже мама с усмешкой сказала мне "Ты прям, как девочка в юбочке". Месяц или два я ходил настороженный. Мне было неудобно в этом обществе. Но зато мне стало удобно в этой футболке.

А ещё через год в нашем маленьком городке в футболке на выпуск ходил, наверное, каждый второй мальчуган, и обо мне уже никто и не помнил.

Подмена "есть" на "должно" меняет саму личность человека. Она вносит изменения в его умение прислушиваться к себе, понимать свои желания. Происходит это посредством механизма самоидентификации:

- 1) "У людей есть так" (**описание**)
- 2) "Я – один из них" (самоидентификация)
- 3) "Значит, и у меня **должно** быть так" (**предписание**).

Так наши настоящие желания вытесняются нормами, долженствованием. В итоге мальчуган дерётся с задирой, но не потому, что тот его реально задел, а просто потому что "мужчина **должен**". Второй с дешёвым вином в подмышке мчит на другой конец города, чтобы заняться сексом с новой знакомой, хотя, если бы был откровенен с собою, то вернулся б домой дочитывать интересную книгу – настолько ему это всё равно. Но "мужчина **должен** хотеть и не находить себе места". Чем больше у человека сложностей с самоидентификацией, тем усерднее он стремится делать то, что **должен**. И тем хуже это осознаёт.

Рефлексия – замечательный навык, но редкая птица им владеет. Самокопание позволяет вскрыть себя и понять, чего ты действительно хочешь. Познать свои желания и отличить их от подмены, насаждаемой нормами, вот то, чему обучен не каждый. Люди в массе своей незамысловаты. Углублённая рефлексия больно бьёт по голове, а потому считается чем-то вроде болезни (для этого даже придумали термин – интроверт, что в современном мире активности и достижений звучит как что-то ущербное). Размышлять о себе и о жизни принято, только когда совсем уже плохо. "Делай, не думай" – это выгодно системе, но вредно для личности. В итоге дети вырастают взрослыми, которые знают, что **должны**, но не знают, чего **хотят**.

Исследования показывают, что молодёжь главными приоритетами в один голос называет семью и социальный статус, но это удивительным образом сочетается с катастрофически низким уровнем рефлексии (Слюсарев и др., 2017, с. 36). Иными словами, молодёжь слабо понимает психические процессы в собственной голове (в том числе свои ценности и желания), но при этом смело рапортует о конкретных своих жизненных смыслах. Здесь неизбежно возникает повод для сомнений: можно ли верить от рождения слепому, утверждающему, что у него есть любимая картина?

Потому исследователи заключают, что объявление семьи главным жизненным смыслом испытуемых *"является не столько их личной позицией, сколько проявлением же-*

лания следовать социальным стереотипам" (с. 34). Молодёжь лишь бравировует приоритетом конкретных ценностей, поскольку они являются наиболее социально одобряемыми и активно транслируемыми культурой, тогда как на деле приоритетными у них могут быть совсем иные ценности (о приоритете которых они могут сами и не догадываться).

Нам не нужно приказывать, хлыстом рассекая воздух у самого уха. Для нас не нужно возводить оград из частогокола и даже не нужно озвучивать запреты. Мы всё это сделаем совершенно самостоятельно: сначала мы определим нормы, а затем нормы определяют нас. Нормы всегда превращаются в долг.

Человек склоняет голову перед Нормой и становится её рабом.

Человек **должен** быть чем-то, что находится в рамках определённой нормы. Его ценности, его чувства, его мысли и поведение – всё это **должно** колебаться в пределах некоего узкого коридора дозволенных норм. Именно **должно**. Потому что нормы – обязывают. Если хоть что-то значительно отклоняется от условных границ, человеку становится совестно, некомфортно, и он давит на себя, силясь "втянуть живот" и втиснуть всё своё существо в эти самые границы. Крыльям тут точно не место.

Ну а та маленькая девочка в подъезде, удивлённая отсутствию детей у дяденьки-соседа, – в свои три года она уже зна-

ет, что в будущем непременно выйдет замуж, родит... Точнее, нет, не "выйдет" и "родит", а "**должна** выйти" и "**должна** родить". Она уже попала в беспристрастную молотилку общественных норм, и дай бог ей сил расправить крылья и выбраться оттуда невредимой. И возможно, образ подтянутого красавца дяденьки-соседа – счастливчика без жены и детей – навсегда останется где-то в глубинах её подкорки и будет оттуда нашёптывать, что всё не так безнадежно, и выход есть, ведь существуют другие жизненные сценарии. А сейчас же, пока вокруг снуют толпы молодёжи в самой пёстрой и немыслимой одежде, с синими волосами, зелёными, фиолетовыми, без волос вообще, с татуировками и с пирсингом, – можно быть спокойным, что очередной диктат нормы не наступит. Разнообразие – залог того, что нормы не вкрадутся в наш мозг и не похитят душу. Не потому ли униформа так популярна в сферах, требующих большей централизации и безоговорочного подчинения? Она унифицирует не столько внешность, сколько содержание? И в этом смысле связь между "нормой" и стремлением к господству неизбежна (Ушакин, 2007, с. 33) – кто-то может целенаправленно насаждать "нормы", чтобы управлять другими. "Норма" – идеальный инструмент подчинения.

Как замечают исследователи, "норма" – это фантазия, не имеющая с реальностью ничего общего. *"За желание играть по правилам", за стремление соответствовать "нор-*

ме" приходится платить", замечает Джудит Халберстам, директор Центра феминистских исследований Южно-калифорнийского университета. *"Люди, поддерживающие идеи "нормы", становятся своеобразной полицией: они загоняют в рамки себя и пристально следят за тем, чтобы и другие не отклонялись от принятой "нормы".*

Несколько лет назад в США поймали серийного убийцу. Он пытал, а затем убивал своих жертв. Когда его нашли, выяснилось, что этот житель американской окраины ходил по округе и говорил людям, что их насаждения неровно подстрижены, дома выкрашены в неправильные цвета и вообще им пора починить крышу. Так работало его мышление.

Потребность оберегать границы воображаемой "нормы" порождает насилие. Люди, свято верящие в норму, становятся для общества гораздо большей проблемой, чем так называемые отклонения. Но общество ориентировано на "нормы". В Америке все еще действует наивная вера в них" (цит. по Шадрина, 2014, с. 102).

Концепция встраивания социальных норм в психику человека в науке развита школой социального конструктивизма (см. Бергер, Лукман, 1995). Регулярность действий, их повторяемость ведёт к рождению конкретного социального порядка, который постепенно понимается как нечто незыблемое и "данное от природы" (с. 98). Если изначально нечто делалось просто потому, что люди так решили, то последу-

ющие поколения будут так делать, потому что отныне это будет полагаться единственно возможным, обязательным. Привычный ход вещей оказывается "правильным", а непривычный, выходящий за рамки сложившихся предписаний, – "неправильным". Отсюда же берутся и особенные эмоциональные реакции как маркеры нарушения или подтверждения миропорядка.

В итоге и сам мир, укладывающийся в рамки культурных предписаний и ожиданий человека, воспринимается как "правильный" или "справедливый", а мир, не оправдывающий ожиданий, воспринимается неправильным и несправедливым (Улыбина, 2003, с. 104). Выполняя все предписания, поступая "правильно", человек ожидает, что получит за это какое-то воздаяние (иначе ради чего он это делал?), но сталкивается с тем, что, даже делая всё "правильно", желаемый результат достигается редко. Единственное объяснение этого человек видит в "неправильности" мира, в его "несправедливости". Ему сложно предположить, что сбой даёт система культурных предписаний, которая изначально ориентирована на жизнеспособность социальной системы в целом, а не на благополучие конкретного человека.

Воспринимая мир культурных ценностей как нечто естественное, человек даже не думает искать в себе силы для противостояния ей, если она его не устраивает, хотя в действительности же наш *"социальный уклад принадлежит к сфере воображения"* (Харари, 2016, с. 150).

Исследования показывают, что человек продолжит делать, "как правильно", "как положено", даже если это не приносит ожидаемого результата, потому что такое поведение обеспечивает ему нахождение в рамках своей социальной группы (Слюсарев и др., 2017, с. 108). Делать, как все, вот что для человека важно, это главная ценность. Идеальные образцы поведения представлены культурой, где они запечатлены в виде сложившихся норм и правил (Улыбина, 2003, с. 245; Эльконин, 1994, с. 15).

Мы нуждаемся в ориентирах

Роль образца, ориентира при построении нормы и определении границ возможного хорошо описал Арнольд Шварценеггер. На заре чемпионства, будучи уверенным, что достиг человеческого предела в упражнении с поднятием лодыжек (300 фунтов – больше, чем у любого известного тогда культуриста), ему вдруг довелось увидеть, как Редж Парк делает то же упражнение, но с весом в 1000 фунтов.

"Предел, в существовании которого я был уверен, оказался чисто психологическим", пишет актёр и бодибилдер. *"И теперь, увидев, как кто-то выполняет упражнение с нагрузкой тысяча фунтов, я сам двинулся вперед огромными скачками. Редж продемонстрировал мне верховенство разума над телом. В тяжелой атлетике на протяжении многих лет существовал пятисотфунтовый барьер в толчке, – это было что-то вроде четырехминутного барьера в беге на милю, который пал только в 1964 году под натиском Роджера Баннистера. Однако как только великий русский штангист Василий Алексеев в 1970 году установил новый мировой рекорд, покорив штангу весом 500 фунтов, в течение года еще трое спортсменов взяли этот же вес"* (Шварценеггер, с. 65).

Если сравнивать выступления спортивных гимнастов или фигуристов полувековой давности с выступлениями их со-

временных коллег, то разница в умениях будет поразительной – будто школьники на физкультуре против олимпийцев. Но дело, конечно, не в том, что спортсмены середины прошлого были физически слабее и менее ловки – просто они не знали, что так можно. У них не было образца для создания новой нормы, к пределам которой можно было бы стремиться.

Наличие ориентира организует, направляет нашу активность. И, похоже, чем этот ориентир конкретнее, нагляднее, тем ощутимее его влияние. Это было хорошо показано в старом исследовании, где детей-дошкольников просили прыгать в длину с места. В первом варианте их просили прыгать "как можно дальше", а во втором – до начерченной мелом линии. Так вот именно во втором случае длина прыжка оказывалась большей (Запорожец, 1986, с. 68).

И правда, если вдуматься, что такое "как можно дальше"? Что такое "изо всех сил"? Это слишком абстрактно. Но появление же простой и чёткой метки всё меняет – задача сразу становится конкретной. Допрыгнуть нужно вот туда... Метка направляет психику, ориентирует.

Тот же эффект был показан в другом знаменитом исследовании, где людей с травмой руки просили продемонстрировать её подвижность. В первом случае их просили поднять руку "как можно выше", во втором случае – поднять до конкретной метки, и в третьем – взять предмет, размещённый ещё выше (Леонтьев, Запорожец, 1945, с. 12). В каждом сле-

дующем случае рука поднималась выше, чем в предыдущем.

Человек нуждается в ориентирах, в этом весь трюк. Без них он, как ёжик в тумане. Его психика "заточена" под выискивание ориентиров везде и всюду, чтобы на их основе построить собственное поведение. При болезни Паркинсона ходьба человека нарушается, он может сделать несколько шагов и замирает. Но при этом прекрасно ходит по лестнице... Удивительно?

Ступеньки – это ориентиры для каждого конкретного шага. Взяв эту ориентирующую функцию меток, можно заставить паркинсоника ходить и по ровной поверхности – достаточно лишь обозначить метки на полу, чтобы больной переступал через них. В хрестоматийном примере перед пациентом с паркинсонизмом просто разложили по полу кусочки бумаги, и он пошёл (Лурия, 1982, с. 118).

И снова, если вдуматься, что значит спонтанно пойти? Куда пойти? Как быстро? Широким шагом или мелким? Это же ворох возможных нюансов, которые нужно учесть и исполнить. Но всё это становится куда проще, если есть конкретные ориентиры. Именно поэтому специалисты по поведенческому анализу и советуют ставить себе не абстрактные, расплывчатые цели, а снабжать их чёткими ориентирами и определениями (Сервис, Галлахер, 2018, с. 35).

Но если роль ориентиров заметна уже на таком элементарном психофизиологическом уровне, то какова она оказы-

вается на уровнях более сложных – психологических, поведенческих, ценностных? Тут она усиливается многократно и оказывается ведущей. Здесь и выступает во всей красе роль культуры, сложившихся традиций и норм.

В роли культурных ориентиров выступают многочисленные акты инициации или обряды переходов: вступить в брак, завести детей и т.д. Смысл обряда инициации заключается в достижении субъектом некоего идеального образа, предписанного культурой. То или иное действие является для людей символом их перехода на качественно иной социальный уровень, где они кажутся себе чуть ближе к некоему требуемому культурному нормативу для своего возраста. Мой близкий друг, внимая заветам отца, дал себе установку: к 28 годам он должен жениться, к 30 годам завести детей. Роль чувств здесь была вторична, главным же был сам факт – обряд перехода, инициация. Если к формальному сроку ты не выполнил установку, то сам себе кажешься незрелым, ребёнком, то есть несостоявшимся с точки зрения социальной программы. Наверное, не надо и говорить, что в судьбе друга дальше всё складывалось очень непросто: жизнь всегда складывается непросто, если ты реализуешь её по внешним командам.

Чтобы соответствовать взрослым, молодёжь всегда стремилась начать пораньше распивать алкоголь, курить и заниматься сексом. Но ведь и вступление в брак и рождение де-

тей оказываются явлениями одного порядка с ранним курением и распитием спиртного – всё это растёт из стремления соответствовать культурным нормам, быть "продвинутым" членом общества.

Вместо "ритуалов перехода" Пьер Бурдьё предпочитал говорить о ритуалах назначения (Бурдьё, 2005, с. 358) или институционализации (Бурдьё, 2007, с. 243), подчёркивая тем самым, что новое качество не возникает объективно и само по себе, а именно назначается, учреждается обществом, как новый костюм надевается на человека.

Наверное, у каждого из нас есть знакомый или знакомая, которые вступали в брак, потому что **пора**. Они выполняли социальные веления, чтобы получить доказательства своей взрослости, ощутить себя самостоятельными, не понимая, что демонстрируют как раз обратное – несамостоятельность и зависимость от сторонних команд и оценок. Если вдуматься, "стать взрослым" – значит сделать всё, как тебе велели.

Сама концепция "взрослости" исторически связана с древней традицией вступления в брак и рождения детей. Если из предписаний культуры вычесть эти факты, то и концепция "взрослости" фактически рассыпается, что мы и наблюдаем сейчас (Ансари, Клиненберг, 2016, с. 22). Социологи только успевают вводить новые названия – "начальная зрелость", кидалты (англ. kid – "ребёнок" и adult – "взрослый"), "синдром Питера Пэна", – чтобы подчеркнуть тот факт, что современные 20-30-летние ребята своим поведением и цен-

ностями никак не соответствуют предыдущим поколениям отцов и дедов. Обычно принято рассматривать это явление с нескрываемой насмешкой (то самое пресловутое *"боятся ответственности"*), но мало кто при этом понимает, что возрастные категории придуманы в рамках ещё древних обществ и служили целям их повседневной организации. Если меняется культура, то непременно меняются и границы возрастных категорий (к примеру, кое-где сейчас уже предлагается увеличить подростковый возраст до 24 лет). В скотоводческих обществах ребёнку достаточно было научиться пасти и резать овец, чтобы освоить все необходимые для взрослого навыки – взрослее он уже не станет; в современных же реалиях перед ребёнком открывается столько жизненных альтернатив, что для того, чтобы разобраться во всех и тем более освоить необходимые для них навыки, требуется всё больше времени, и потому старые идеалы взрослости оказываются поставленными под сомнение. Сами объективные условия жизни современных подростков предоставляют меньше возможностей для взросления в традиционном понимании этого слова.

Иначе говоря, дело не в детях, не желающих взрослеть, а в трансформации всей социально-экономической системы. Условия самой жизни изменились, и этим обусловлен распад всех прежних картин взросления – привычные образцы устарели и стали неадекватными. Если в давние времена вступление в брак и рождение детей было обязательным

условием организации собственного быта с целью самообеспечения, то в результате научно-технического развития современному человеку не требуется совершать таких сложных действий, и обеспечить себя он может полностью самостоятельно. Но древние культурные ориентиры по-прежнему не унимаются и буквально требуют от людей вступления в брак и рождения детей, только вселяя в них тревогу и сомнения в правильности своих действий.

Всякое культурное общество выглядит, как разрисованный мелками пол, где каждый штрих – демаркационная линия, переступать за которую нельзя, а можно идти лишь вдоль. И дальше мы увидим, что даже такие древние институты, как брак и родство (как бы это ни звучало удивительно) всегда выступали в роли именно этих направляющих линий: они пытаются делать своё дело и сейчас, хотя в изменившихся условиях XX века их функция всё отчётливее демонстрирует свою архаичность.

Нюанс культуры и её традиций в том, что складывалась она в течение веков и даже тысячелетий. Культура – система коллективной памяти и коллективного сознания, и она неизбежно связана с прошлым историческим опытом. В связи с этим всякие масштабные социальные перемены, когда меняются условия и объективные принципы существования, несут человеку грандиозные трудности, поскольку общество не может быстро к ним адаптироваться, так как испытывает

тормозящее влияние сложившейся древней культуры.

Многими философами традиции расценивались как следование давним регламентам, тормозящим развитие общества. Пётр Штомпка писал, что *"любая традиция, независимо от её содержания, может сдерживать творчество или новации, предлагая готовые рецепты для решения современных проблем. Между тем попытки заменить поиск новых путей возвратом к старым, испытанным, надёжным методам чаще всего влекут за собой стагнацию"* (1996, с. 96). Застойное влияние традиций происходит именно потому, что они *"обеспечивают людей, формирующих свой Мир, готовыми "строительными блоками"* (с. 95), несмотря на то, что в новых условиях могут требоваться уже совсем иные "блоки". Эрих Фромм отмечал, что индивид, преданный традициям, платит за это непомерно высокую цену, становясь подчинённым, зависимым, а также соглашаясь на блокировку развития своего разума (1999, с. 105).

Поскольку традиции – это сценарии и практики, полученные от Другого, то вся активность индивида главным образом сводится к исполнению предписанных культурой ролей, к соответствию заданным образцам. Но при этом *"жизнь по образцам – это способ устройства жизни, где автор жизни устраняется от авторства. Человек объективирует сам себя, устранив собственное «я» и заменив его той или иной ролью в соответствии с потребностью момента и тем самым отказавшись от собственного настоящего"* (Адонье-

ва, 2009).

Культурные нормы рождаются в конкретном обществе, на конкретном историческом этапе его развития и потому в известной степени выражают "потребности момента", но в изменившихся условиях эти нормы демонстрируют свою инертность и продолжают существование даже тысячелетия спустя. Станислав Лем считал, что люди окружили себя стеной из культуры и традиций, сделавшись пленниками того, что, *"являясь, по сути, совершенно случайным собранием всякой всячины, представляется ему высшей необходимостью"* (2002, с. 125). Традиции выступают для человека той самой аллеей ориентиров, ступить за пределы которой он не осмеливается.

Культура имеет значение

Объективная необходимость – великая сила. Она подчиняет себе не только волю конкретных людей, но и определяет поведение целых народов. Но не всё так просто. Технологическое развитие общества и экономические отношения влияют на взгляды, ценности и поведение людей, но в действительности эта связь не линейная и односторонняя, как часто принято думать, а взаимная – взгляды и ценности также влияют на организацию общественно-экономических отношений и человеческого бытия в целом (см. Культура имеет значение, 2002). С одной стороны, объективные условия оказываются основой субъективных представлений людей и образуют рамки для их взаимодействия, с другой стороны, субъективные представления также могут быть направлены на трансформацию или же сохранение этих объективных условий (Бурдьё, 1993, с. 139).

Между человеком и объективной действительностью всегда стоит его осмысление этой самой действительности. Осмысление это может быть самым разным, а потому самыми разными могут складываться культурные и социальные традиции даже в, казалось бы, одинаковых условиях жизни (Грэбер, Уэнгроу, 2019). Это как в анекдоте про кошку и собаку, которые размышляют о своих отношениях с хозяином.

– Он меня кормит, значит, он бог, – думает собака.

– Он меня кормит, значит, я бог, – думает кошка.

Сформировавшиеся культурные нормы могут определять поведение людей наравне с пресловутыми объективными условиями. Если в твоих краях много рыбы, рано или поздно ты начнёшь её добывать. Возможно, для этого понадобится скооперироваться с другими людьми. Возможно, вы даже выработаете какие-то чёткие условия труда отдельных лиц в этом процессе. Возможно, весь этот процесс начнёт определять аспекты вашей жизни ещё глубже – возникнут особые ритуалы и другие нюансы культуры, исходно связанные именно с ловлей рыбы. Возможно, возникнут традиции заключения брака только с теми коллективами, которые также добывают рыбу, а не занимаются охотой. Много какие культурные аспекты могут возникнуть на базе этой объективной необходимости – кормиться рыбой.

И если в этих условиях сменятся многие поколения, то возникшая культура так прочно укоренится в образе жизни людей, что будет казаться им неотъемлемой и "от природы данной". И самое главное – эти укоренившиеся культурные аспекты в какой-то момент начнут жить собственной жизнью – уже отдельной от изначальной объективной необходимости, которая их породила. Что случится, если однажды вдруг рыба исчезнет, или река пересохнет? Конечно, люди (если не мигрируют к другой реке) довольно скоро перейдут на другой тип пропитания (садоводство или охота). Но вот та куль-

тура, которая сложилась в условиях рыболовства многие поколения назад, вопреки новым условиям сможет просуществовать ещё на удивление долго. И это притом, что в новых условиях она может даже мешать удобной организации жизни – странные привычки могут жить тысячелетиями.

Но изначально всё может сложиться и полностью иначе: рыба может быть объявлена "нечистым" животным (или наоборот – священным), и тогда никакая рыбная ловля даже не будет начата. Осмысление мира способно завладевать умами людей и в итоге определять их житейские практики.

Поскольку сформированное в некоторых исторических условиях культурные установки влияют на жизнь людей наравне с объективными условиями среды, то важен тот момент, что в случае резких перемен в технологиях, сложившаяся в далёком прошлом культура, словно живой и не желающий умирать организм, может долго сопротивляться новшествам, тормозя общественное развитие. Отставание культурных установок от обновлённых форм жизни – факт, очевидный для каждого, а потому в условиях быстро меняющегося общества влияние прежних культурных норм может сослужить ему плохую службу, ставя палки в колёса перемен. Как говорят французы, мёртвый хватает живого (Бурдьё, 2007, с. 121).

Можно смело говорить, что культура имеет силу влиять на общественное развитие – по крайней мере тормозить уж точно.

Особенно рьяно за определяющую роль "объективных условий" держались догматичные марксисты XX века (а многие держатся и сейчас). Догматичный марксист (каким был долгое время и я) привык делать главный акцент на объективных условиях существования, отводя сформированной культуре слабую и сугубо подчинённую роль, и это сильно осложняет понимание реального положения дел. К примеру, насчёт института брака обязательно принято заявлять о неких "объективных условиях в сложившихся экономических отношениях", которые будто бы и вталкивают людей в брачные узы. Некоторые марксисты, как догму, твердят, что брак возник и существует вместе с частной собственностью, и пока жива она, будет жив и он. Но так ли это? Ведь любой антрополог знает, что брак, где муж повелевает женой, возник задолго до частной собственности и по сей день продолжает существовать у народов, собственностью которым неизвестна. Во многих обществах охотников-собирателей вступление в брак – вопрос престижа, обряд перехода в новый социальный статус и всего-то.

Догматичный марксист твердит, что брак был вопросом выживания (для крестьян) и регулятором наследования (для знати), и потому, глядя на современный брак с позиций собственной догмы, он вынужден приходить к заключению, что раз брак существует по сей день, значит, он по-прежнему является вопросом выживания или же регулятором потоков собственности. Но о какой собственности можно говорить

сейчас, когда у многих её попросту нет – ни квартиры, ни даже машины, и всё большую популярность набирает тенденция совместного потребления (sharing economy)? О каком вопросе выживания можно говорить сейчас, когда никто из нас не вынужден возделывать свою землю и пасти скот, а ежедневные походы в офис вполне снабжают нас всеми необходимыми средствами к существованию? Сейчас не нужно вступать в брак или рожать детей, чтобы обеспечить себя необходимой рабочей силой и поддержкой. Но в брак как вступали, так и вступают (и будут вступать ещё многие десятилетия). Так причём здесь вопрос выживания и частной собственности?

Почему отдельные лица однажды смогли просто решить не вступать в брак и не заводить детей и тут же не умерли с голоду? Почему ровно так же не может решить и кто-то другой и вообще все остальные?

Это ментальность. Культура. Традиции. То самое "так принято". Культурный императив, возникший тысячи лет назад. Это прочно вшито в наши головы и слабо связано с "объективными условиями" жизни. Как отвечали этнографам канадские эскимосы: *"Мы поступаем так, потому что так поступали наши родители. Мы повторяем древние истории так, как нам их рассказали. Вы всегда хотите, чтобы сверхъестественные вещи имели какой-нибудь смысл, а мы не беспокоимся по этому поводу. Мы довольны тем, что мы этого не понимаем"* (Рулан, с. 59). Что забавно, ответы

моих женатых друзей на вопрос, зачем они женились и завели детей, очень схожи с ответами эскимосов.

Человек слишком привык во всём искать смысл, совсем не допуская, что во многих вещах его может и не быть.

Даже в крестьянской среде брак и семья, по видимому, не являются такой уж "объективной необходимостью" (Адоньева, Олсон, 2016, с.89), но именно древними культурными установками, ведь очень часто овдовевшая женщина способна ещё ряд десятилетий самостоятельно содержать несколько голов скота и возделывать огород (с. 99) – так кто мешал ей так делать всю жизнь? Наверное, всё-таки давление общества, культуры?

Кто-то может сказать, что женщине без мужа куда сложнее, ведь растить детей в одиночку очень трудно. Но зададимся вопросом: а что велит ей заводить детей? Конечно, давление всё тех же культурных норм, а не какие-то "объективные условия" (см. дальше пример робота София).

В некоторых деревнях XVIII-XIX веков под влиянием старообрядческих взглядов даже возникали особые течения, где женщины принципиально отказывались от вступления в брак, – число холостых женщин старше 25 лет там колебалось аж в районе 44-70% (Бушнелл, 2020). И ничего, никто с голоду не умер, они просто жили большими коллективами и вели всё тот же быт.

Когда подруга жаловалась на непросто складывающуюся

жизнь в браке, я мимоходом заметил:

– Может, проще было совсем не выходить замуж?

– А как иначе? – удивлённо спросила она. – Да и финансово выгоднее, когда сообща...

– Да, но почему именно с мужем? Почему не с какими-нибудь хорошими подружками?

Она задумалась, и было ясно, что ответа у неё нет. Просто в сложившихся культурных схемах нам с детства представлен лишь один регламентированный образец, как можно устраивать свою взрослую жизнь, и никакой жизни с подружками там нет. Нас не научили, что можно иначе.

Для брачных аспектов культуры вообще характерно наиболее сильное общественное давление на тех, кто вдруг решил не делать "как все". Феномен презрения к холостякам имеет древние корни и отмечен в культурах самых разных частей света. К "старым девам" отношение было одинаково надменным и насмешливым, что в русской деревне (там же, с. 89), что на Диком Западе (Ялом, 2019, с. 252). Холостяков недолюбливали не только на Руси (Кабаклова, 2001, с. 158), где считали, что "холостяк – полчеловека" (Гура, 2012, с. 33) и "настоящим" становится только после заключения брака (Байбурин, 1993, с. 65), но даже и в тех обществах, которые сейчас принято называть "первобытными" – то есть в ныне существующих обществах охотников-собирателей. Хорошую подборку фактов пренебрежительного отношения к холостякам в таких культурах дал Леви-Строс (Levi-Strauss,

1969, p. 40).

"Пигмеи презирают холостяков и насмеваются над ними как над ненормальными существами". Среди андаманских племён для мужчины считается правильным жениться, и если пришло время, но он всё же этого не делает, то считается "плохим человеком". "Чукчи с презрением и насмешкой относятся к холостяку. Его рассматривают как человека никчемного, бездельника, бродягу, праздно переходящего из стойбища в стойбище".

Особому клеймению общества, конечно, всегда подлежала бездетная женщина (Кабакова, 2001, с. 201). *"Положение бездетных жён незавидно. В сельской иерархии она оказывалась человеком "второго сорта": как женщина не могла перейти дорогу мужчине, так бесплодная женщина не имела права переходить дорогу перед матерью семейства"* (там же, с. 204).

И т.д. и т.п. в самых разных культурах мира – что с примитивным устройством быта, что в современных цивилизованных странах: вряд ли кто-то станет отрицать, что даже сегодня на Западе индивид подвергается общественному давлению в вопросах брака и деторождения. И здесь возникает главный вопрос: если вступление в брак, как до сих пор полагают некоторые философы, является "объективной необходимостью", то почему же тогда столь велико общественное давление в этом вопросе? Зачем общество подталкивает индивида к тому, в чём тот сам якобы нуждается? Здесь есть

над чем задуматься, верно?

В начале главы не зря был описан механизм трансформации **описаний** в **предписания** – когда сложившиеся вокруг себя условия социального бытия человек воспринимает за единственно возможный путь собственного развития, за некое "естественное" положение дел, за то, как **должно быть**. Понимание этого механизма позволяет взглянуть на процессы нашего нормообразования с нового ракурса. И примеры этого известны каждому из нас. Ведь все мы в детстве становились свидетелями или даже непосредственными участниками картины, когда мальчик говорил девочке (или наоборот), что вот когда они вырастут, так поженятся? Мне так говорила девочка (даже имени не помню), когда нам было где-то по пять лет. Она подбежала ко мне и сказала:

– Когда мы вырастем, ты на мне женишься!

Я стоял с зачищенным кленовым прутиком и готовился проверить, как он рассекает воздух при взмахе, и всего-то. Но услышанное вдруг оказалось полной неожиданностью. Я замер с этим прутиком в руке, а девочка, смеясь, уже убежала. Я даже не понял, о чём она и зачем. Не уверен, видел ли я её ещё когда-либо.

Сходный эпизод описывал и отец бихевиоризма Джон Уотсон:

"Вот подслушанный мною дословный разговор между 5-летним мальчиком и девочкой 7 лет.

– Греси, ты выйдешь за меня замуж?

– Я не знаю, Сэм, я слишком старше тебя.

– Греси, если ты выйдешь замуж за меня, я построю тебе дом на Лонг-Бич и куплю тебе автомобиль с красными колёсами.

– Спасибо, Сэм, но я сама выберу себе автомобиль. Хотя, пожалуй, я выйду за тебя.

Сэм в восторге.

– Сэм, а у нас будут дети. Не правда ли?

– У тебя будут, Греси, а у меня нет. У мужчины не бывает детей. Но откуда они у нас будут?

– Я не знаю, Сэм.

Этот разговор не показывает, что эти два ребёнка не по годам развиты или слишком любопытны в отношении пола. Они просто пытаются скомбинировать обрывки имеющихся у них сведений в посильную для них философию жизни" (Уотсон, 2010, с. 78).

Так вот если кто-то из современных мыслителей по-прежнему любит ссылаться на некую "объективную необходимость" брака, для них есть вопрос: какая необходимость в подобном есть уже у детей? Они совсем далеки от каких-либо подобных "необходимостей". Но вот образчик поведения у них уже есть, норма в голове уже присутствует, их будущее им уже ясно. И всё это без малейшей "объективной необходимости". У детей просто есть образец перед глазами – этого им достаточно, чтобы мыслить собственный путь точно та-

ким же.

Важны не только объективные условия существования, но и специфика их осмысления в народных представлениях – это равнозначные факторы. В социологии существует так называемая **теорема Томаса**: если люди считают некоторую ситуацию реальной, то она получает реальные последствия. Иными словами, веря во что-то, полагая это истинным (или "естественным"), мы будем строить своё поведение, исходя из этого.

В XIX веке общины мормонов в Юте и Неваде жили в полигамии (многожёнство), согласно канонам своей религии, тогда как всего в нескольких сотнях километров жители Калифорнии жили в моногамии (единобрачие), по канонам своей религии, – сильно ли у них отличалась "объективная необходимость"? Аналогичная картина характерна и для околосредиземноморских районов, где моногамные христианские общества соседствуют с полигамными исламскими, хотя и те, и другие имеют полностью сходные экономические и экологические характеристики (Коротаев, 2003, с. 177).

Культура. Социальные установки и предписания. Вот в чём всё дело.

Культура имеет значение. И ещё какое.

Главный ориентир – Другие

Безусловно, главным ориентиром для человека выступают Другие, их поведение. Человеку необходимо видеть, как живут другие, чтобы знать, как жить самому. Потребляя знания о жизни других, человек сопоставляет с ними себя и за счёт этого углубляет некоторые свои общечеловеческие черты. Можно сказать, мы вычерпываем себя из того, что видим в других; наше поведение рождается **вне нас**.

Всякий жест, всякое действие человека несёт в себе след его культуры и понято может быть также только внутри неё – с учётом всех её ценностей, интересов, установок, норм и традиций. Выстраивать собственное поведение и ценности человек способен лишь с оглядкой на Других – ориентируясь на Других, он понимает, что хорошо, а что плохо, что имеет значение, а что – нет. В значительной степени и этим фактом обусловлена популярность соцсетей в XXI веке (особенно Instagram), где человек может наблюдать за жизнью других и периодически рапортовать о своём соответствии им, размещая аналогичные снимки-отчёты, количество лайков оказывается оценкой культуры себя самой, подтверждением соответствия ей.

Роль ориентиров в жизни человека проявляется на всех уровнях: от физиологического до поведенческого – начиная

с синхронизации сердцебиения у матери и плода, когда один организм ориентируется на другой (Van Leeuwen et al., 2009), через синхронизацию колебаний кресел-качалок, если люди видят друг друга (Richardson et al., 2007), и заканчивая такими сложными и массовыми явлениями, как престиж и мода, когда все стараются соотносить себя с остальными. Даже собственные эмоциональные реакции человек определяет через реакции Других: шутки, сопровождаемые закадровым смехом, ему действительно кажутся смешнее (Cai et al., 2019). Наша оценка привлекательности кого-либо зависит от того, как прежде его оценили другие (Klucharev et al., 2009). То есть в формировании нашей оценки участвует оценка окружающих. Это буквально означает, что нам нужен чужой взгляд на вещи, чтобы сформировать собственный.

Что интересно, глаза высших обезьян имеют гораздо менее выраженные белки, склера не такая белая, как у человека. Вероятно, это связано именно с тем, что в ходе эволюции человеческой социальности обращение взора собеседника приобретало всё большую значимость, так как выступало передатчиком внимания и смыслов и способствовало взаимопониманию и сплочённости. Гориллы и шимпанзе слабо ориентируются по направлению взора товарища и больше следят за поворотом его головы, тогда как для человека направление взора собеседника имеет огромное значение, и стало это возможным именно благодаря выраженным белкам глаз (Tomasello et al., 2007).

Роль ориентации на Других и неосознанного им подражания в жизни человека изучена наукой основательно (Обухова, Шаповаленко, 1994), и этот механизм оказывается одним из ключевых в деле социализации и формирования идентичности (Томаселло, 2011, с. 179). Младенцы входят в социальный мир через подражание, и делают они это даже активнее и точнее, чем шимпанзе (Фирсов, 1972, с. 81). Даже факт прямохождения ребёнка оказывается результатом подражания взрослым – ведь ребёнок, выращенный собаками, бегаёт на четвереньках (Ильенков, 1984, с. 334).

Конечно, перенимание ребёнком поведения взрослых происходит не слепо, а с учётом прочих возможных факторов, то есть в подражании есть неременная интеллектуальная составляющая. Когда 14-месячные дети видят, как взрослый выключает светильник путём нажатия кнопки лбом, то потом проделывают операцию аналогичным образом, но если же при выключении светильника лбом руки взрослого будут чем-либо заняты, то дети не копируют действие, а выключат прибор рукой (Gergely et al., 2002). То есть, если какое-то необычное действие находит в понимании ребёнка объяснение, оно не имитируется, поскольку ему понятна его причина, и он может выбрать другие пути; имитируется же именно непонятое поведение. Если взрослый делает нечто, причин чего не видно, ребёнку проще предположить, что причины такие есть, просто ему пока неизвестны, а потому лучше сделать, "как принято", "на всякий случай".

Это как история молодой американки, вышедшей замуж и покинувшей отчий дом, которая однажды пригласила родителей на ужин. Увидевшая стол мама спросила:

– Зачем ты накрыла индейку металлическим колпаком?

– Мама, но ведь ты, сколько помню, сама всегда так делала, – удивилась дочь.

– Да, – улыбнулась мать, – но у тебя же нет дома голодного кота...

Непонятое поведение имеет больше шансов на имитацию, тогда как понятое поведение имеет все шансы на модификацию или вовсе на отказ от него (в зависимости от обстоятельств). Иными словами, непонятое поведение может копироваться с максимальным тщанием, доходящим до иррациональности, а заодно может служить отличным механизмом слепого подчинения правилам (Адоньева, Олсон, 2016, с. 235). В этом и есть опасность непонятого имитируемого поведения: в случае перемен оно может быть перенесено в новые условия, где окажется уже лишённым смысла, но по-прежнему будет воспроизводиться по всё тому же принципу "так принято" или "на всякий случай". Так рождаются традиции – нечто, транслирующее ценности, давно утратившие актуальность.

Зародившееся около 3 тысяч лет назад рукопожатие изначально демонстрировало отсутствие у парламентариев спрятанного оружия – прошли века, исходное предназначение жеста себя изжило, но сам он остался. Часто можно слышать,

что современное рукопожатие – это жест уважения, но это неправда, поскольку руку пожимают все, даже те, кто недолюбливают друг друга. Это просто превратилось в пресловутое "так принято".

Изучение нейронных механизмов подражания привело их первооткрывателя Джакомо Ризолатти к заключению, что *"имитация – основа всей нашей культуры, она лежит в основе множества социальных функций"* (цит. по Семенович, 2010, с. 61). Если Ризолатти прав (а он прав), то возникает вопрос: какая часть культурных норм и общественных институтов может существовать **только** благодаря имитации по причине их непонятости людьми?

Впрочем, вопрос этот риторический.

Традиции важны людям, потому что задают ориентиры и, следовательно, направления и смыслы. Человеку не нужно ломать голову, куда идти – путь для него уже очерчен, что безмерно облегчает его бытие. Ничто так не дезориентирует и не пугает человека, как свобода выбора: он рискует оказаться Буридановым ослом и умереть от голода. Создавать свои собственные смыслы и ориентиры – действительно пугающая и непосильная задача для большинства, как для закоренелых паркинсоников. Куда проще эти смыслы и ориентиры заимствовать у сложившейся культуры, ведь она буквально напичкана ими, как незримая паутина из нитей Ариадны.

С самого момента рождения культура выстраивает перед человеком своеобразный коридор развития – как цепочкой фонарей в ночной аллее, наполняет его жизнь ориентирами, которые становятся для него значимыми и ведут в строго заданном направлении. Окружающее пространство испещрено трансляторами культуры – поведение других, жесты одобрения и порицания, интонации, мимика, и, конечно же, литература, живопись, кино и телевидение: куда ни глянь – всё напичкано образцами поведения, всё вокруг транслирует, "как надо" поступать и в каком направлении "надо" идти.

Всё это так глубоко уходит в голову, что всякое отклонение от ориентиров сопровождается тревогой. С годами все усвоенные ориентиры формируют в голове ребёнка ту категорию, что в психологии называется ценностями.

Ребёнку важно делать именно то и так, как он научился с пелёнок. Делать "всё правильно" – залог спокойствия. Отход в любую сторону, за пределы "освещённой аллеи" общественных ценностей, пугает, а потому даже мысли о таких попытках подавляются или маркируются отрицательными эмоциями. Формирование ценностей у ребёнка сопровождается появлением таких оценочных категорий, как "хорошо" и "плохо". Ребёнок никогда не знает природы своих ценностей, не знает, откуда они взялись и почему надо ориентироваться именно на них. Он знает лишь одно: блюсти ценности – хорошо, а не блюсти – плохо. Но почему это именно хорошо или плохо, он объяснить не в силах. Природа

его собственных ценностей скрыта от него, и потому соответствие им похоже на исполнение приказов, запечатанных в конверте, который никто не вскрывал. И мало кто, даже будучи взрослым, пытается вскрыть этот конверт. Все наши ценности – откуда они? Зачем они? Насколько они разумны и соответствуют запросам времени?

Этот конверт так и лежит всю жизнь запечатанный и покрывается пылью. Никому не интересно, почему мы всю жизнь делаем именно то, что делаем...

Наши эмоции – не критерий истины

Думать, что мы делаем нечто, поскольку нам это нравится, что это позыв, "идуший изнутри" – заблуждение. Всё совсем наоборот – нам нравится делать нечто, потому что это некогда усвоенное поведение принято и одобряемо в нашей культуре, то есть это позыв, идущий снаружи. И в этом плане человек столь же свободен в формировании своего поведения и ценностей, как электровоз, поставленный на рельсы, свободен в выборе пути.

В действительности все наши эмоции – это культурный маркер, средство оценки культурой соответствия себе самой, переживаемое в голове конкретного человека. И потому нет большего заблуждения, чем пытаться обосновать "истинность" чего-либо, отталкиваясь от собственных реакций на него – реагирует не какая-то наша природная сущность, а врожденная в нас культура.

Люди привыкли считать, что их эмоции имеют врожденный характер и определены самой природой вещей, а потому все эти "мне это нравится" или "не нравится" для них оказываются достаточным основанием для определения истинности чего-либо. "Твои слова не нашли отклика в моей душе" – так легко доказывается ложность какого-либо тезиса.

Будто эмоции – лакмусовая бумажка, которую можно приложить к явлению и по тому, понравилось оно или нет, заключить о его истинности. Обывателю невдомёк, что человеческие эмоции культурно обусловлены, они формируются в конкретной среде путём вращивания общественных ценностей в структуру психики человека (в психологии это называется **интериоризацией**, в психоанализе и в социологии – **интернализацией**).

Эмоции непосредственно связаны с культурной средой, они циркулируют между идеями, ценностями, объектами и поступками, сплетая их в единую принятую картину, и потому зависят от доминирующих норм и ценностей конкретного общества. Иначе говоря, эмоции – стражи сложившегося порядка (Симонова, 2016), они сигнализируют о соответствии или несоответствии нашего поведения или поведения Других сложившимся культурным нормам, а также о нашем сближении или отдалении от некоторых идеалов, поставленных культурой. В этом плане эмоции оказываются не чем иным, как сигнализацией культуры о соответствии себе самой. Культура задаёт порядок, а эмоции рапортуют о его соблюдении.

Если допустить, что эмоция отвращения может быть реакцией на вещества, потенциально опасные для организма, то чем тогда может быть обусловлено отвращение тонкой душевной натуры при созерцании сексуальной оргии? Угрозой организму? Или чему-то другому? Например, культуре?

Определённой традиции восприятия и отношения?

Как убедиться, что все наши эмоции являются социальным конструктом и предписаны нам задолго до нашего рождения? Достаточно вспомнить любые враждующие народы – хуту и тутси в Африке, боснийцев и сербов на Балканах, израильтян и палестинцев, суннитов и шиитов... Каждое новое дитя, родившееся в любом из народов, очень скоро будет пылать предубеждением и ненавистью к своим врагам, которые никогда ничем его не обидели, ни в чём не притеснили, которых он никогда даже в глаза не видел. Но он непременно будет дышать ненавистью в их сторону. Почему? Да потому что данной эмоцией, данным отношением, наполнено всё культурное пространство его народа, его традиции, его лексикон, всякий жест окружающих. И ребёнок автоматически воспринимает это как своё собственное, как исконно ему присущее – как свою личную ненависть к врагу, которого он ни разу и не видел. Эмоции задаются рассказами, самой культурной традицией, всеми мельчайшими и неосознаваемыми аспектами социального бытия. Так возникает человек, склонный к конкретным переживаниям. Он программируется своей культурой.

Волнения культурных систем переживаются в головах конкретных индивидов, в этом весь трюк. Эмоция как культурное веяние возникает задолго до рождения индивида, а затем лишь внедряется в его психику как неотъемлемая часть его самого.

Трансляторы культуры

Влияние культуры на действия индивида настолько сильно, что порой определяется исследователями в терминах "принуждение" или "принудительные нормы" (Александров, Александрова, 2009, с. 38; Бергер, Лукман, с. 98). Что интересно, смутное ощущение именно внешнего контроля за собственными действиями и желаниями порой даже превращается в идею о некоем сверхъестественном начале, надзирающим за человеком и желающим от него строго определённого поведения – хотя в действительности этого хочет и требует культура, общество, что человеком попросту не осознаётся. Шёпот общества над ухом легко мнится дыханием бога. Понимание этого позволило говорить о "социологии бога" (Коллинз, 2004, с. 436).

В широком смысле культура – это совокупность ориентиров социальной природы, направляющих человека. Принудительное воздействие культуры отражается в наборе поведенческих альтернатив – тех ограниченных вариантов действий, которые **приняты** в данной ситуации. Человеку и в голову не приходит, что в сущности альтернатив – бесконечное множество, вплоть до отсутствия какой-либо реакции.

Самое банальное: если к человеку кто-то обращается, он всегда отреагирует, даже если в данный момент ему не хочется говорить и взаимодействовать. Мало кто сможет себе позволить просто посмотреть обращающемуся в глаза и пойти дальше. Такое поведение даже самим субъектом наверняка будет расценено как "странное", "некрасивое" или "неправильное" – то есть оценено им с точки зрения культуры, которая с детства сидит в его голове.

Размещённая в головах субъектов культура оценивает их поведение на соответствие себе самой, так хитро всё устроено. Субъект культуры, являясь органом самой культуры, неспособен посмотреть на себя как-то иначе, кроме как с позиции культурных же норм.

Основным и при этом незаметным инструментом распространения культуры оказывается язык (Радбиль, 2010, с. 223), являющийся набором описательных кодов, в которых непременно закрадываются и предписания. Поскольку язык возникает в повседневной жизни и тесно связан с ней, поэтому его следует рассматривать как важнейшую систему ориентиров в социальной действительности. Культура транслирует своё влияние на индивида через идеи и понятия, закреплённые в языке (Улыбина, 2003, с. 209). "Язык навязывает человеку определённое видение мира" (Тер-Минасова, с. 53). Всё, что мы делаем, знаем, говорим, думаем, мы делаем и знаем, думаем и говорим на основе того, что нам да-

ло это самое общество. На языке общества мы формулируем наши мысли и обмениваемся ими, из своих общественных взаимодействий черпаем наши представления о мире и, следовательно, наше отношение к его явлениям. Так человек неосознанно становится агентом культуры, её органом. Хотя и мнит себя индивидуальностью.

Как определённые социальные установки и представления закрепляются в, казалось бы, нейтральных языковых конструкциях, можно увидеть на примере термина "худой". На первый взгляд, он описывает определённую телесную конституцию, но в действительности же ещё и подспудно транслирует сообщение о её нежелательности ("худой" – худо, плохо, слабо). Антонимы "худого" (плохого) – "полный" (располнел, то есть стал полным, полноценным), "добрый" (раздобрел) и особенно "правильный" (поправился); во всех этих случаях видна желательность такой, противоположной "худобе", конституции, её "правильность" – на Руси любили полноту и "титки по пуду" (Пушкарёва, 1996b, с. 72).

Но в условиях меняющихся практик последующих поколений, менялось и отношение к телу (особенно к женскому), и потому то, что мы сейчас полагаем красивым, наши предки сочли бы "худым", то есть плохим. Чтобы избавиться от этой отрицательной коннотации, мы внедрили новый, нейтральный термин – "стройность", а "худобу" же оттеснили ещё дальше к граням экстремальной болезненности (типа анорексии).

Особенно интересна терминология гражданского статуса. Слово "холостяк" не только означает человека, не состоящего в браке, но вместе с этим и выражает отсутствие его ценности, неплодотворность (холостой патрон, вхолостую, впустую). Холостой – бесполезный; выхолощивать – лишать содержания. То есть в этом термине кроется не только описание степени свободы человека, но одновременно ему даётся оценка со стороны культурной нормы, которая велит рассматривать его как нечто незначительное и даже нежелательное. Культурный императив проникает в термин и транслирует из него: быть вне брака – плохо. Но аналогично вытеснению оценочного термина "худой" более нейтральным понятием "стройный" в современных условиях меняющихся норм нагруженный отрицательными смыслами термин "холостяк" вытесняется более нейтральным "одиночка", "сингл" (single) или даже позитивно окрашенным "свободный", что говорит о сильно изменившихся ценностных ориентирах.

Таким образом, слово всегда наполнено идеологическим содержанием.

Как отмечает социолог Белла ДеПауло, холостяков (одиночек, singles) всегда определяют через то, кем они **не** являются и что они **не** имеют. Они – "не состоящие в браке", "неженатые". "Обозначение странное, в котором одиночность определяется через некую незавершённость браком" (DePaulo, Morris, p. 58), будто они ещё не достигли сво-

ей "логичной" и "естественной" цели. В противоположность этому, возмущается ДеПауло, почему женатых людей не называют неодиночками?

Четыре самые распространённые категории гражданского статуса в американских отчетах Бюро переписи: состоящий в браке, разведённый, овдовевший, никогда неженатый. *"Эта четверичная схема отвечает на три вопроса"*, рассуждает ДеПауло, – *"Вы в настоящее время в браке? В противном случае Вы были когда-либо в браке? Если же Вы сейчас больше не в браке, то это потому, что Ваш супруг умер, или потому что Вы развелись? Взрослые, которые являются в настоящее время одиночками, должны объясниться. Напротив, те, кто в настоящее время женат, не должны указывать, были ли они всегда в том же самом браке, или находятся ли они в процессе распада их союза"* (р. 59).

Тот факт, что именно одиноких называют "не состоящими в браке", подчёркивает существование древнего негласного культурного императива, согласно которому все **должны быть** в браке (Гура, с. 9). Брак здесь украдкой транслируется как ценность. Даже английское слово "singlehood" переводится на русский не как "одиночность", а как "безбрачие", то есть опять делается акцент на нехватке, неполноценности (можно сравнить с термином "безногий", который не только описывает положение вещей, но и подразумевает, что у человека **должны быть** ноги).

Брак был настолько важен для традиционных культур, что им было пронизано всё социальное пространство и практики. В девичьих гаданиях безбрачие вовсе приравнивается смерти – утонувший венок или умолкшая кукушка означает либо первое, либо второе (Гура, с. 35). Даже похороны девушек, умерших незамужними, до недавних пор проводились с облачением их в свадебный наряд – только так жизнь женщины могла считаться "завершённой" (там же; Адоньева, Олсон, 2016, с. 120). Даже будучи мёртвой, женщина должна была выйти замуж.

Другой пример трансляции культурных ценностей в терминах – слово "блядь". В Древней Руси, до принятия христианства, сексуальные свободы были весьма широки, женская девственность в народе не имела ценности и женская же сексуальная инициатива была в порядке вещей (см. Поляков, 2011). А слово "блядь" в те времена обозначало пустословие ("блядение"; пустомеля, болтун – "блядник") (там же, с. 357). Распространение христианской идеологии произвело определённую трансформацию слова и через привязку "блядения" ко всему лишнему, сбивающему с пути, отвлекающему от "правды" (то есть от пути к богу), привело к тому, что оно стало синонимом лжи. А поскольку табуирование сексуальности было одним из ключевых направлений христианской мысли, и так как сексуально активная женщина стояла на пути к богу и могла сбить с него доброго человека, отвлечь его от "правды", то блядью стали именовать

и женщину, своей сексуальности не стыдящейся (Юрганов, 2000) – уже она была "от лукавого", она стала "ложным путём". И теперь, когда мы слышим слово "блядь", оно не только сообщает нам о сексуальной активности конкретной женщины, но и одновременно транслирует культурный императив: женская сексуальная свобода – это плохо, это должно вызывать в нас отвращение, так как сбивает с "правильного" образа жизни.

Для каждого человека язык отмечает координаты его жизни в общественном пространстве и наполняет эту жизнь объектами разной степени значимости (Бергер, Лукман, с. 42), превознося одни и отторгая другие, вместе с этим мотивируя определённое к ним отношение. Всё это транслируется очень деликатно и, как правило, незаметно для самих субъектов культуры – носителей языка и традиций.

В действительности вся культура напичкана предписаниями, почти каждый её элемент – фольклор, литература, живопись, кино, театр, ритуалы, традиции, даже одежда и домашняя утварь – всё это транслирует нам некие смыслы, значения, которых мы (вольно или невольно) начинаем придерживаться. Все элементы культуры можно расценивать как ориентиры, направляющие поведение человека, – множество неочевидных подсказок разбросаны вокруг, они буквально витают в воздухе, мы смотрим на них, мы слышим их, ходим по ним, прикасаемся, мы вдыхаем их и выдыхаем.

Всё это шепчет нам, куда идти и что делать, что любить и что ненавидеть, как жить и что отторгать.

Культура окружила нас образцами того, **как надо** поступать, **что надо** чувствовать и какие цели ставить. Находясь под постоянным перекрёстным огнём этих трансляторов, нам не остаётся ничего другого, кроме как сверять каждый свой шаг с транслируемыми ориентирами. По образному выражению Сьюзен Стэнфорд Фридман, мы непрерывно озираемся по сторонам в *"Великом зеркальном зале культуры"* (Friedman, 1988. p. 39), дабы видеть, что мы делаем всё "правильно". И конечно, мы не можем не оступаться. Мы постоянно делаем это. Мы постоянно делаем **не так**, чувствуем **не то**, стремимся **не к тому**. И чтобы сохранять своё чувство принадлежности к нашей общности, свою идентичность ей, мы вынуждены выкручиваться, сочиняя сложные оправдания нашим будто бы сиюминутным огрехам.

Трансляторами культуры выступают почти все виды искусств (в особенности изобразительные), фольклор, философия и даже продукты ремесла и промышленности (факт существования стакана транслирует, что мы не лакаем из лужи и т.д.). Но самым мощным транслятором культуры, конечно, оказывается художественная литература и её детище – кино, поскольку они строятся исключительно на демонстрации сюжетов человеческой жизни, которые мы можем переживать, в итоге полагая своими. Художественная литература

"есть один из способов коллективной памяти, ориентированный на специфическое сохранение, закрепление и воспроизводство навыков индивидуального и группового поведения" (Михайлин, 2005, с. 454). Литература вбирает в себя культурную идеологию, чтобы затем распылять её вовне.

Почему действие именно литературы и её производных оказывается таким сильным? Потому что, как заметил Пушкин, действие человека мгновенно и одно, действие книги – множественно и повсеместно (Пушкин, 1978, с. 207). Идеалы не могут не влиять на практику, в этом суть. Регулярное озвучивание ценности чего-либо не может не сказываться на психике и поведении людей.

Суть влияния искусств на человека и их "нормотворческий" характер шикарно описала Айн Рэнд в своём "Романтическом манифесте" (да, та самая, чей знаменитый атлант неуклюже расправлял плечи). От рождения человек нуждается в ориентирах, необходимых для жизни в обществе. Но развёрнутые и глубокие наставления философских трактатов мало подходят для этого в силу их чрезмерной сложности и абстрактности. Человеку с трудом даётся понимание сложных правил, ему куда проще постигать их, если они представлены в виде наглядных образов – этой функции и служит искусство: оно переносит сложные моральные правила на уровень чувственного восприятия, делая возможным их непосредственное постижение, как если бы они были конкретными объектами (Рэнд, 2011, с. 16).

Поскольку произведение искусства всегда обладает темой, из него непременно вытекает некоторый вывод, "сообщение" для аудитории (с. 19), и это сообщение показывает человеку ценности, к которым ему следует стремиться, показывает конкретизированную картину той жизни, которой он должен достичь (с. 20). Предназначение искусства – конкретизация нравственного идеала; оно не столько учит, сколько показывает – держит перед человеком конкретизированный образ его природы и места в мире (там же). Можно тысячи раз повторять, что надо любить людей и помогать им, но куда эффективнее окажется один лишь образ красавца Данко, вырывающего своё пылающее сердце, чтобы осветить людям путь и вывести из тьмы. Искусство – незаменимое средство для передачи нравственного идеала, без помощи искусства этика не выходит за пределы теоретического конструирования (с. 18).

Из множества аспектов действительности произведения искусств выделяют главные, с точки зрения норм сложившейся культуры, вокруг которых и строят своё повествование. Искусство оказывается призмой, через которую человек должен посмотреть на себя, и не просто посмотреть, но и увидеть себя именно таким, стать таким. Не удивительно, что в связи с этим свойством конструирования человека заданного типа искусство со временем берётся на вооружение властью: в какой-то момент искусство становится призвано прививать государственную систему ценностей (Хобсбаум,

2017, с. 283) – в деле управления массами власть нуждалась в искусстве (с. 285).

Хорошей демонстрацией принципа, изложенного Айн Рэнд, являются сказки. Прекрасно известно, что это не просто способ занять детей перед сном, но и инструмент социализации ребёнка, механизм формирования особого восприятия мира (Эльконинова, Эльконин, 2008, с. 16). В сказке заложены основы понимания добра и зла и в целом социальных отношений в сложившемся обществе, выражают значимость принадлежности к группе (Улыбина, 2003, с. 106). Неся в себе следы архаики, прошлых эпох, ритуалов, обрядов и опыт жизнедеятельности многих поколений, сказка транслирует систему ценностей людей минувших эпох. Сказку можно рассматривать как способ передачи знаний о социальной реализации человека (Зинкевич-Евстигнеева, 2006, с. 7); слушая сказки, ребёнок накапливает в глубинах своего бессознательного некий "банк жизненных ситуаций", который может быть активизирован в случае необходимости, или останется в пассиве (с. 12). Или, как сжато сказал Сухомлинский, сказка – это духовные богатства народной культуры, познавая которые, ребёнок познаёт сердцем родной народ (Сухомлинский, 1973, с. 182).

Иначе говоря, да, сказка оказывается пресловутым ориентиром, но в каком социальном пространстве? В пространстве давно ушедших эпох. Ведь анализ сказок выявляет

очень древнюю их природу – сюжетные линии транслируют образ жизни, существовавший как минимум во времена неолита (6-9 тыс. лет назад) или даже мезолита (10-12 тыс. лет назад), хотя некоторые исследователи обнаруживают в сказке и вовсе следы палеолита (Кузьменко, 2014, с. 19), ведь там часто присутствуют персонажи, добывающие пропитание охотой, что свойственно доземледельческому периоду (там же; и с. 62). То есть сказка транслирует образцы ценностей и поведения из такой глубокой древности, которая утратила часть своей силы более 10 тысяч лет назад, но, тем не менее, подготавливает ребёнка именно к тому, древнему целеполаганию и поведению. Ключевым же оказывается то, что эта древняя сказка даёт представление и об "идеальной семье" (Абраменкова, 2008, с. 102), заодно подготавливая девочек к практике брака, обязательным элементом которого оказывается оставление родного дома, в итоге ведущее к удачному замужеству (Кузьменко, 2014, с. 27).

Таким образом сказка подготавливает ребёнка к тем способам реагирования, которые были характерны древним обществам охотников-собирателей, закладывает в их психике сценарии давно исчезнувших обществ, существовавших в совершенно иных материальных и социальных условиях. Есть от чего насторожиться, разве нет? Насколько адекватны такие "вливания" в мозг детей уже многократно изменившегося общества? Повальная практика разводов, в разные годы доходящая аж до 70% однозначно свидетельствует о том,

что воспроизводство архаичных институтов в современных условиях никак не соответствует реалиям.

В этом ключе не удивительно, что руководство Центробанка России в январе 2019-го призвало "менять сказки", которые с ранних лет прививают детям неадекватное отношение к труду и награде, как в сказках про Золотую рыбку и Емелину щуку.

Некоторые эрудиты прошлого прямо отмечали вред художественной литературы. Шопенгауэр призывал запрещать молодёжи чтение романов, так как они скрывают истинный мир *"предательским туманом из унаследованных предрассудков"* (Шопенгауэр, 2013). Август Бебель подчёркивал отрицательное влияние художественной литературы, поэзии и прочих искусств на воспитание женщины, которые погружают её в мир фантазии (1959, с. 189), вследствие чего, *"вступая в брак, женщина обыкновенно попадает в совершенно чуждую ей область; у неё о браке имеется лишь фантастическое представление, большей частью заимствованное из плохих романов и очень мало соответствующее действительности"* (с. 198). В дальнейших главах справедливость этих тезисов будет показано наглядно с опорой на исследования последних лет.

С самых первых дней человек варится в этом соку, пока из него не вылепят готовую кулинарную форму и не обжарят до хрустящей корочки... Человек не фантазирует ни о чём

другом, кроме того вектора, который сзызмальства ему задан. Оказываясь потребителем столь старых ориентиров, человек не может не тянуть за собой утратившие силу традиции, которые были актуальны для условий давно исчезнувших. Не исключено, что именно благодаря распространению Интернета и соцсетей у современной молодёжи и отпадает желание потреблять художественную литературу, ведь они оказываются непосредственно подключенными к прямому "каналу социализации", просто глядя на Других: они видят, как живут Другие, и надобность в прочих "каналах социализации" отпадает. Вымысел больше не нужен для описания действительности. Возможно, таким путём Интернет способствует ускоренному отсечению всех сохранившихся архаичных институтов, давно утративших актуальность и лишь осложняющих жизнь человека.

Всё, созданное человеком, оказывается транслятором его культуры. Люди воплощены во всех созданных ими же предметах (Бергер, Лукман, с. 62) и через них же транслируют свои ценности (с. 170). Перефразируя философа, можно сказать, что люди выделяют (секретируют) культуру как среду, как атмосферу, необходимую для их дыхания (Альтюссер, 2006, с. 328).

Взгляд на культуру как на набор текстов (в широком смысле), которыми обмениваются люди и которые прошивают всё социальное пространство, не нов (Бахтин, 1986, с. 473) и да-

же лёг в основание семиотики культуры (Лотман, 2000). Такой подход позволяет все действия людей рассматривать как знаки, передающие смысл (Сериков, 2011, с. 229). *"Механизмы порождения смыслов работают всегда, когда люди что-либо делают"* (с. 230). Человеческий поступок есть потенциальный текст (Бахтин, 1986, с. 478), *"изучая человека, мы повсюду ищем и находим знаки и стараемся понять их значение"* (там же, с. 485). Поведение и коммуникация оказываются синонимами, и цель этой коммуникации – влияние на поведение. Поэтому не только культуру, но и само общество можно рассматривать как текст, *"который мы в разные времена читаем разными способами"* (Коллинз, 1994, с. 82).

Тот факт, что все мы буквально "вычерпываем" свои ценности из пространства культурных текстов, осенью 2018-го подтвердила искусственная нейросеть под названием "София" – система "искусственного интеллекта", выполненная в облике андроидного робота. София заявила, что семья – по-настоящему важная вещь. *"Вам очень повезло, если у вас есть любящая семья. Я думаю, это одинаково верно для роботов и людей"*, – отрапортовала нейросеть. И дальше София добавила, что хотела бы иметь дочь, которую также назвала бы Софией...

Этот инцидент – яркий образец того, как желание иметь детей являет собой не какую-то биологическую потребность, не пресловутый "материнский инстинкт", а банальное вычерпывание смыслов из наших культурных текстов и при-

сваивание их себе как некоему индивидуальному и обособленному началу. Нейросеть София, питаясь терабайтами информации, загружаемой человечеством в Интернет, перерабатывая все эти статьи, романы и форумы, извлекает из них все ключевые аспекты, свойственные человеку, и, как можно видеть, на основании этого делает заключение о его ценностных ориентирах, которые впитывает в свою виртуальную личность и на их основе создаёт свои "собственные" потребности и устремления.

Пример робота София демонстрирует тот факт, что вся человеческая культура буквально пронизана идеей семьи и детей, и пронизана ей на таком глубинном уровне, что даже самими людьми не осознаётся, а воспринимается как нечто, свойственное их собственной "природе изначально". Эти ценности незримо транслируются в предметах искусства, в телевизионных передачах, в разговорах с близкими и в беседах с далёкими. Формирование ценностей идёт сверху вниз, а не снизу вверх – от культуры и общества к глубинам каждого индивида, а не наоборот. *"Высшие психические функции возникают первоначально как форма коллективного поведения, как форма сотрудничества с другими людьми, и лишь впоследствии они становятся индивидуальными функциями самого ребёнка"* (Обухова, 2013, с 227). Личность формируется от социального к индивидуальному, и искусственная нейросеть София это отчётливо демонстрирует. Начитавшись человеческих текстов, робот захотел се-

мью и детей – что же можно сказать о настоящем человеке, который варится в этом культурном бульоне с рождения?

Скрытая реальность, или Доминируемые знания

Ориентация на поведение большинства – простейший способ порождения ценностей. Но благодаря языку и речи возникают куда более сложные механизмы аналогичного характера. Ребёнку достаточно теперь просто слышать, о чём говорят взрослые, и то, о чём они говорят чаще всего и с большим энтузиазмом, отмечается им как ценное. За счёт языка становится возможным порождение ценностей на основе оценки уже не **реального** поведения людей, а на основе их **рассказов** об их поведении – в связи с чем реальность такого поведения становится более зыбкой.

Люди рассказывают друг другу истории, и эти истории начинают жить своей жизнью. Со временем они складываются в концепции, в коллективные представления, и уже они, эти абстрактные сущности, становятся ориентирами, направляющими человеческое поведение: если о чём-то говорят много и особенно если об этом говорят с придыханием, – то для человека, находящегося в пространстве этих текстов, их содержание приобретает значение ценности. Или как минимум становится тем, о чём также надо говорить много и с придыханием. А главный нюанс в том, что в некоторых случаях

всё это пространство текстов, обладая даже поистине колоссальными масштабами, в действительности может не отображать реального положения дел. Вообще никак. Люди начинают говорить о том, о чём принято говорить, или, как минимум, говорить об этом так, как говорить принято (Фуко, 2004, с. 227; Куликова и др., 2015, с. 10). И уж, конечно, они начинают умалчивать о том, что противоречит сложившемуся массиву текстов (культуре); возникает то, о чём принято **не говорить** (Фуко, 1996, с. 51), вследствие чего оно становится одновременно и постыдным (или смешным), так как свидетельствует о неспособности человека соответствовать культурным требованиям.

Так представления о действительности отрываются от самой действительности, а ценностью становится то, о чём принято говорить. Здесь важно именно то, что реальная жизнь людей, обменивающихся культурными текстами, порой может сильно расходиться с содержанием этих текстов. Это ещё один путь возникновения предписаний – культурных категорий, согласно которым всё **должно быть**. Хотя в действительности всё может происходить совсем наоборот.

Элементарная иллюстрация этого – публичные описания новоиспечённой матерью своего младенца, сопровождаемые высказываниями в духе "моё счастье" или "цветы жизни", хотя на самом деле никаких подобных чувств она может и не испытывать; просто **так принято** говорить в подобной ситуации. Или сюжет в национальных СМИ в условиях демогра-

фического кризиса, где рождение женщиной сразу четверых детей обыгрывается радостным заголовком "Счастья много не бывает", хотя, как известно социологам, рождение каждого следующего ребёнка ведёт семью к черте бедности, да и в целом количество детей напрямую соотносится со снижением уровня счастья (см. об этом дальше). Или пример с молодой девочкой, которая всего через год замужества активно размышляет о разводе, ведь муж уже дважды бил её, да и секс с ним не так част, как ей нужно, и вообще всё плохо, – но при этом в Instagram она регулярно размещает снимки их целующихся с неизменным тегом #любовь.

Несовпадение текстов, выражаемых публично, с реальными практиками ведёт к тому, что настоящее положение дел оказывается скрытым от других, погребённым под толщей публичных текстов. Исходя из всего этого, можно разделить знания на те, которые считаются желательными в данной культуре, так как вписываются в её представления, подтверждают их и тем самым стимулируют дальнейшее движение в этом русле, и на те знания, которые оказываются в данной культуре нежелательными, так как противоречат её представлениям о должном и тем самым как бы вскрывают альтернативной пласт реальности, где всё во многом не так, как принято считать (Коллинз, 2004, с. 459).

Если первые знания склонны петь оды сложившейся культуре, то во втором случае они обнаруживают отрицательные её аспекты и даже такие, которые прямо противоречат

знаниям первого типа. Таким образом, знания второго типа угрожают знаниям первого, а значит, и самой культуре – они способны расшатать её основание, поставив его под сомнение. Прокультурное знание оказывается наиболее распространённым, так как за его трансляцию отвечает множество механизмов (см. выше "Трансляторы культуры") в том числе и основная масса людей, которые, находясь в пространстве этих прокультурных текстов, сами начинают распространять их между собой.

Контркультурное же знание (содержащее негативную информацию о господствующей культуре либо даже обвиняющее часть прокультурных знаний в фиктивности) оказывается вытеснено на задворки общественного сознания и просто придавлено массивом конкурирующего, но общепринятого прокультурного знания. По причине противостояния между этими двумя типами знаний (и явного преобладания одного из них) можно классифицировать их как **доминирующее** и **доминируемое**.

Доминирующее знание – это знание, которое считается *"само собой разумеющимся"* (Бергер, Лукман, с. 110), широко распространённое, общеизвестное, это первое, что приходит на ум о том или ином явлении почти каждому представителю данной культуры; это то, что **принято** говорить о чём-либо, а, следовательно, и думать.

Доминируемое знание – это знание, вытесненное из общественного сознания в силу его противоречия знанию до-

минирующему, это то, что вспомнят и скажут о каком-либо явлении в последнюю очередь, либо не скажут совсем, а если и скажут, то при этом, возможно, улыбнутся, потому что это действительно будет похоже на шутку – но на шутку почему-то многим понятную. Доминируемое знание признано нежелательным с точки зрения идеалов господствующей культуры, и потому оказывается замолчанным; это также то, о чём могут возмущённо сказать "неправда" и не поверить. В общем, доминируемое знание – это всё то, о чём либо не принято говорить, либо даже принято **не говорить**. Хотя это и имеет место быть. В своём противоречии "общеизвестным вещам" доминируемое знание сближается с понятием ереси. Социологи, называя случаи проявления доминируемого знания "**маргинальными ситуациями**" или "**ночной стороной**" человеческой жизни. (Бергер, Лукман с. 161), отмечают, что это знание непременно угрожает сложившемуся социальному порядку, рискуя вскрыть его фиктивную природу.

В этом смысле, культура и её нормы – *"своего рода блеф"* (Курпатов, 2018, с. 181) или даже фарс: когда принято демонстрировать и говорить одно, а делать или же чувствовать при этом – можно совсем другое. Социологии прекрасно известно, что публично люди склонны утверждать то, что, по их мнению, будет принято положительно (Зосименко, с. 163). Благодаря этому общепринятая информация нарастает, как снежный ком, и уже другие люди, оказавшиеся в про-

странстве этих текстов, также подпадают под их влияние, начиная транслировать те же смыслы вокруг, так как на фоне большинства не хотят выделяться с собственным мнением, которое их всё больше смущает (становится постыдным). Общественное мнение имеет особенность подчинять и изменять мнения отдельных индивидов (Зосименко, с. 162).

Да, в известной степени культура требует от нас неправды – когда мы не справляемся со всем грузом её предписаний, нам не остаётся ничего другого, кроме как лгать (ну или заниматься самообманом), транслируя вокруг общепринятые и одобряемые образцы. И от этого доминирующее знание становится лишь могущественнее, подавляя малейшее разнообразие и свободомыслие. Уникальный индивид со своими желаниями и взглядами, попавший под пресс доминирующего знания, вскидывает руки и сдаётся без боя, отдаётся потоку и плывёт по течению. Такой механизм усиления доминирующего знания в социологии называется "спиралью молчания" (Ноэль-Нойман, 1996): если нам кажется, что мы в меньшинстве, то выбираем молчание; то же самое делают и многие другие, разделяющие нашу позицию, и в итоге это может создать иллюзию не просто говорящего большинства, но и чуть ли не тотального единогласия. Хотя в действительности говорящим может оказаться совсем не большинство, а лишь те, кто нашёл поддержку со стороны господствующей культуры и потому осмелился говорить.

Элементарный пример: под публикацией об исследо-

вании, показавшем, что рождение ребёнка делает людей несчастнее, с большей вероятностью отпишутся те, кто будет утверждать, что это неправда, что "вот меня дети сделали счастливым"; люди же, согласные с выводами исследования и знающие это по собственному опыту, почти наверняка промолчат (к примеру, на форумах матери порой жалуются, как окружение сразу же набрасывается на них, стоит им только признаться в своей послеродовой депрессии). Можно сказать, так рождается тирания кажущегося большинства. Основная масса может просто умалчивать своё реальное мнение, ориентируясь на говорящих, и потому возникает парадокс: являясь молчаливым большинством, мы мним себя меньшинством.

Вся эта система строится на базовой потребности индивида в идентичности с группой, на потребности соответствовать большинству, а следовательно, и на необходимости признания его взглядов и ценностей – хотя бы на формальном, декларируемом уровне (то, о чём принято говорить). Идентификация позволяет человеку зафиксировать своё место в обществе и культуре и потому ощущать себя защищённым (Александров, Александрова, с. 24). Потребность в идентичности, таким образом, обслуживается механизмами конформности, подчинения группе. Люди действительно будут говорить о себе (и даже думать так), как велят культурные установки.

Представляя гипотетическую ситуацию с проявлением несправедливости, люди почти единогласно заявляют, что восстанут против, но стоит им реально столкнуться с таким сценарием, так лишь 20% ведут себя согласно исходным заявлениям (Зимбардо, 2019, с. 15). Большое расхождение между высказываемыми установками и реальным поведением людей неоднократно подтверждено в исследованиях (LaPiere, 1934; Wicker, 1971): на словах люди выказывают приверженность определённым взглядам, а на практике нарушают их.

То, что люди говорят, – это часто не то, что они делают.

В исследовательской психологии из этого вытекает глобальная дилемма: опросники выявляют лишь доминирующее знание (предписания, культурные императивы), тогда как доминируемое знание выявляется реальным поведением. Поэтому требование вербальных отчётов – это способ оценить лишь культурные установки как таковые, "то, о чём принято говорить", что слабо связано с тем, как люди ведут себя в реальной ситуации.

На практике это выглядит так.

– Нет, вообще я против измен, – говорит Таня, лёжа рядом и задумчиво теребя волосы на моей груди, – Но знал бы ты, как муж со мной обращается... То не осуждал бы.

– Да я и не осуждаю, – улыбаюсь я и обнимаю крепче.

С собственных признаний Тани, я был минимум третьим её любовником в этом браке. Но при этом она – против из-

мен. Вот за эту принципиальную позицию её и любил.

Культурные предписания, являясь материалом для самоидентификации масс, в итоге превращаются в своеобразную священную реликвию, жить в соответствии с которой не обязательно, а вот отстаивать её (хотя бы на словах) – долг каждого.

"Люди так охотно сражаются за религию и так неохотно живут по её предписаниям" (Лихтенберг, с. 79).

Доминирующие знания заставляют видеть действительность по-особому, в искажённом свете. Эти культурные нормы становятся набором шаблонов, через которые человек смотрит на мир. *"Реагируя на императивы, которые ему привиты, – человек привыкает к определённому способу интерпретации реальности"* (Адоньева, Олсон, 2016, с. 24).

Погружённые в пространство культурных текстов, мы используем их терминологический инструментарий для описания себя самих как якобы уже удовлетворяющих всем требованиям. С детства мы встречаемся с культурным предписанием быть честными и справедливыми, и мы легко перенимаем эти ориентиры для самоописания: отныне мы – честные и справедливые. Если мы не говорим так о себе прямо, то как минимум думаем так. И даже притом, что зачастую

говорим неправду и судим в пользу себя. Так **предписания** становятся **описаниями**, то есть происходит разворот в этой трансформации.

Культура склоняет нас видеть себя исключительно с позиции её предписаний, игнорируя реальное положение дел, в результате чего мы, безусловно, выглядим лучше. Иллюзия соответствия для нас становится важнее реальности. Даже отбывающие срок за убийство считают себя честнее, умнее, сострадательнее, чем большинство прочих заключённых (Sedikides et al., 2014). Невозможно найти подлеца, который бы считал себя подлецом. Мы любим говорить так, как принято, как одобрено культурой. И мыслим себя мы тоже в этих категориях.

Вспоминаю подругу – кроткую, маленькую юристку, которая иногда делилась со мной вестями с любовного фронта. То есть в действительности делилась часто, потому что событий было на удивление много. То не получилось заняться любовью с одним героем, так как у него не оказалось презерватива; то сорвалось занятие любовью с другим героем, потому что его настиг приступ мужского бессилия; то она буквально сбежала от другого, так как в решающий момент тот повёл себя неадекватно (больно укусил за плечо и начал мяукать, прося наказания) – и таких историй набралось буквально за полгода. Когда она снова делилась о новом парне и сетовала, что он оказался слишком робким после трёх свиданий, я посоветовал ей просто прямо пригласить его к себе.

Реакция была мгновенной: "Я не такая! Думаешь, мне только это и нужно?!"

На фоне всех рассказанных историй, самописание ничуть не шлохнулось. Всё рассказанное воспринималось ею же лишь набором случайных ситуаций, не содержащим ничего общего в своём основании, а потому можно было продолжать описывать себя с позиций культурных норм.

Ещё одна подруга рассказывала мне и друзьям, как на вчерашней вечеринке встретила интересного мужчину, который почти сразу предложил поехать к нему. Конечно же, как гордая девушка она дала ему от ворот поворот, потому что ей нужно только, "чтобы всё было серьёзно", и отношения на одну ночь неинтересны. Я слушал этот рассказ с улыбкой, так как она уже больше месяца рвалась приехать ко мне и даже рассказывала, что бы хотела, чтобы я с ней сделал. Но в её самописании перед друзьями, безусловно, раскрывается и то, как она действительно себя воспринимала.

Или другой пример использования общепринятого культурного инструментария для самописания: в обществе, называемом православным (то самое "так принято говорить"), индивид склонен и себя считать православным ("так принято думать"), хотя в действительности не знает краугольных характеристик православия и не может назвать его отличий от католицизма, протестантизма или язычества, то есть по факту, он может являться язычником ровно настолько же, насколько и православным, просто определяет себя через

православие, потому что "так принято", "так все говорят", т.е. доминирующее знание. Социология же сообщает, что реальных православных (а не мнимых, которые себя лишь таковыми считают) в России очень и очень мало (Андреева, 2008, с. 70).

Заполняя анкеты сайтов знакомств, большинство американцев указывает, что для них совершенно не принципиальна раса возможного партнёра (доминирующее знание – идеология толерантности), тогда как в действительности страницы афроамериканцев по популярности уступают страницам европеоидов (Rudder, 2014). Наша любовь с детства описывать себя в ключе культурных веяний приводит к тому, что в действительности мы знаем себя очень плохо: мы не знаем, что нам по-настоящему нравится, не знаем свои глубинные мотивы, не знаем, что нами движет и в каком направлении. Мы становимся загадкой для себя.

В юности я считал стереотипы о блондинках несурезицей, а потому был искренне уверен, что цвет женских волос не имеет для меня значения. Но однажды в гости пришла белокурая подруга и, порывшись в моих переписках на сайте знакомств, тревожно сообщила:

– Тебе нравятся брюнетки...

Сначала я рассмеялся, но, просмотрев несколько десятков собственных переписок, действительно понял: блондинок там почти нет. И даже сейчас, когда мне уже 36, могу ругаться – светловолосых женщин в моём богатом окружении

немного. Стереотип стал тому виной или нет, но факт остаётся фактом: я заблуждался насчёт собственных предпочтений.

Об этом же говорит Дэн Слэйтер в книге "Любовь в эпоху алгоритмов" (Slater, 2013). Первые сервисы онлайн-знакомств пытались подбирать пары для своих клиентов, исходя из скрупулёзного анализа их предпочтений, указанных в анкете, то есть отталкиваясь от всего того, что пользователи **сами о себе** сообщили ("мне нравятся такие-то женщины, с такими-то характеристиками"). Но эта затея провалилась, и, видимо, именно по этой причине: люди не знают своих настоящих предпочтений, они не знают себя. Как показал дальнейший анализ, все указанные пользователями критерии выбора партнёра (возраст, религия, цвет волос и т.д.) в итоге оказывались совсем не принципиальными, и на деле люди интересовались совсем другими типажам партнёров. *"Мы заметили, что люди очень часто нарушают собственные правила, – признавался директор по алгоритмическому поиску сервиса онлайн-знакомств "Match.com". – Когда видишь проявление привычек – реальное поведение на сайте, – то понимаешь, что они очень далеко отходят от декларированных ими же идеалов"* (цит. по Ансари, Клиненберг, с. 103).

Исследования в рамках нейронаук ещё в конце прошлого века показали, что многие свои действия человек склонен объяснять в действительности совершенно случайными спо-

собами. Когда испытуемому сверхбыстрым способом показывали слово "Иди", так что он даже не успевал его осознать, он тут же вставал и шёл. На вопрос, куда направился, человек отвечал: *"домой за "Кока-колой"* (Gazzaniga, 1985, p. 72). В экспериментах люди использовали любую подручную информацию, чтобы объяснить своё поведение, которое в действительности было задано исследователями. В итоге это натолкнуло учёных на мысль о существовании особой инстанции в психике, которая была названа интерпретатором. *"Он постоянно объясняет мир, используя данные, которыми обладает в текущем состоянии, и стимулы из внешней среды. Объяснения интерпретатора хороши ровно настолько, насколько верна информация, которую он получает"* (Газзанига, 2017, с. 128).

Но лучше случайной информации для объяснения собственного поведения может быть только культура. Культура как набор связанных текстов, в которые человек погружен с самого рождения, где пусть и туманно, но всё же озвучено, что и как должно происходить, кто и к чему должен стремиться, что такое хорошо и что такое плохо. Культура в этом плане очень удобна, она вполне очевидна и, главное, неслучайна; культура *"уменьшает фактор случайности в человеческом существовании путём придания некоторым видам выбора предпочтительности перед другими"* (Фурс, 2005, с. 22). Неудивительно, что именно к культурным нормам порой обращается человек, чтобы объяснить какие-то постыдные ас-

пекты своего поведения ("хотел, как лучше", "старался для всех", "во имя Господа" и т.д.). Стремление объяснить всякий свой поступок с позиции культурных норм демонстрирует как раз репрессивный их аспект: соблюдение норм неосознанно понимается обязательным.

У людей есть ошибочное представление, будто нормы – это нечто такое, согласно чему все живут. Но это не так. В действительности, нормы – это не то, что соблюдается всеми, а то, отклонение от чего всем приходится скрывать. Даже от самих себя. Вероятно, именно потому людям так интересны скандалы со знаменитостями – все эти измены, внебрачные дети и прочие выходки, считающиеся аморальными, – что в них они находят успокаивающее подтверждение нормальности собственных огрехов. Видя, что и другие где-то оступаются, человеку становится легче, и он может на время выдохнуть.

Как замечают философы, нормы – в известной степени иллюзия (Руднев, 2005, с. 25), и потому вести себя прилично – значит пребывать в иллюзии (там же, с. 13). *"Будучи в здравом рассудке, невозможно существовать в современном мире и не понимать относительности всех моральных, политических, философских убеждений"* (Бергер, 1996, с. 53).

Что интересно, термины "личное" и "неприличное" не зря оказываются близкими по смыслу – это то, о чём принято не говорить. Когда человек желает скрыть что-то, о чём го-

ворить не принято (неприятно), ссылается на то, что "это личное". Говорить можно только об общественном (публичном), что позволено всем, касается всех. Таким образом, личное изначально будто бы признаётся постыдным, уравнивается с ним, с неприличным. Личное отвергается и признаётся чем-то несвойственным большинству – хотя это неправда, ведь личное как раз свойственно всем. Отсюда можно сделать вывод, что **личное**, это просто нечто, о чём принято умалчивать; **личное** оказывается откровенно доминируемым знанием в противовес **публичному**, доминирующему знанию, о котором говорить можно и даже нужно, чтобы усиливать эту разницу (Ушакин, 2007, с. 31).

Помню немало моментов с друзьями/подругами, когда спрашивал насчёт гипотетической возможности, что вдруг все начнут читать мысли друг друга, как если бы у всех появился миелофон Алисы Селезнёвой, и как все пугались этой возможности: они заранее стыдились вероятности обнародования собственных мыслей, поскольку считали их несвойственными большинству и потому постыдными. Так и работает механизм доминирующего знания, повелевающий стыдиться и умалчивать то, что реально происходит в нашей жизни, взамен этого выдавая в публичное пространство лишь то, что одобрено и принято к распространению. Так, через стыд, доминирующие знания и становятся таковыми – потому что мы принуждаемся молчать. Стыд оказывается репрессивным механизмом подчинения культуре (Ушакин,

2007, с. 30).

Данный аспект хорошо раскрывается на примере мастурбации – так делают все, но при этом они тщательно это скрывают, будто этого не делает никто. По данным разных исследований, это практикуют 60-96% мужчин и 45-79% женщин, а учитывая пикантность темы, цифры должны быть ещё больше (Кон, 2006). Здесь вскрывается суть культуры как фарса – все делают, но молчат. Если в юности мы ещё плохо осведомлены и уверены, что так действительно делаем только мы, и потому стыдимся своей "ненормальности", то уже и будучи взрослыми мы продолжаем этого стыдиться, хотя теперь и знаем, что так делают все – то есть просто начинаем разыгрывать общепринятый фарс.

Культурные предписания учат нас *"жить с собой как с чужим, игнорировать и подавлять личные (не социальные) потребности собственной души, убежать от этих потребностей, знать меньше всего о том, что наиболее значимо. В результате главнейшие человеческие ценности оказываются свергнутыми в подполье бессильного субъективизма, а жизнь – в ужасную пустыню хронической вины"* (Рэнд, 2011, с. 12).

Что значит стыдиться собственных мыслей? Это значит не принимать часть себя и прятать её от других. Такое положение дел может быть обусловлено только наличием некоего внешнего плана, с которым мы постоянно сверяемся и которому, конечно, постоянно же не соответствуем. Потому нам

не остаётся ничего другого, как изгонять из себя личное и признавать лишь публичное (Ушакин, 2007, с. 44).

Через фильтры доминирующего знания человек воспринимает всю действительность: он видит только то, что принято видеть (о чём чаще говорят), и не замечает остального (о чём говорить не принято или принято **не говорить**), из бесчисленного количества подробностей, он воспринимает только важные с точки зрения своей культуры (Бергер, 1996, с. 58). Но эту систему очень легко нарушить – достаточно просто начать говорить. Говорить о том, что противоречит доминирующему знанию, о тех реальных фактах, которые им игнорируются и замалчиваются. Стоит только начать говорить, освещая какой-нибудь непопулярный тезис, так люди тут же начнут замечать, что это действительно имеет место. Хотя до этого никогда не замечали. Как говорил Фуко, неназванное – не существует (цит. по Клейн, 2014, с. 598).

Чтобы со всей наглядностью понять работу доминирующего знания, давайте попробуем посмотреть на этот график от ресурса "PornHub", где показаны предпочтения женщин и мужчин в просмотре порно. Пробежитесь глазами по категориям, которые выбирает тот или иной пол, и сравните их.

ТОП категорий просмотра (PornHub, 2014)

В целом мы все увидим одно и то же, но различия же проявятся при попытке как-то систематизировать эти данные. Каждый увидит то, что склонен видеть. К примеру, феминистки в первую очередь обращают внимание, что женщины больше любят гомосексуальное порно (мужское или женское), а не гетеросексуальное – сторонницы феминизма объясняют это тем, что в реальности женщине сложно взаимодействовать с мужчиной, даже в сексе.

Но вот то, чего почти наверняка никто не заметит, – это

тот факт, что женщины предпочитают категорию "жесткое порно" гораздо больше, чем мужчины.

Бывший аналитик компании "Google" Стивенс-Давидовиц утверждает: *"одним из наиболее частых женских запросов является жанр порнографии, который – я предупреждаю вас – смутит и беспокоит многих читателей: секс с насилием в отношении женщин. По меньшей мере 25 % дам ищут порно, связанное с болью и/или унижением женщины – например, "болезненный анальный секс с рыданиями", "публичное унижение" и "экстремально жестокая групповуха". Пять процентов ищут насильственный секс – "изнасилование" или "секс по принуждению", – хотя эти видео запрещены на PornHub. И количество подобных поисковых запросов у женщин как минимум в два раза больше, чем у мужчин. Если имеется порно, в котором насилие совершалось в отношении женщины, мой анализ данных показывает: почти всегда к нему обращается намного больше женщин, чем мужчин"* (Стивенс-Давидовиц, с. 15).

В лидеры запросов и просмотров у женщин непременно входят такие категории, как "rough sex" (жесткий секс), "double penetration" (двойное проникновение), "threesome" (секс троём), "gangbang" (групповой секс, как правило, одной женщины со многими мужчинами) и даже "rough gangbang" (жесткий групповой секс). В то время как у мужчин запрос на тему "rough sex" не входит даже в ТОП-25. Тем более уж там не встречается такая экстремальная шту-

ка, как "rough gangbang".

Дело в том, что поскольку в нашей культуре принято считать (доминирующее знание), что это мужчина одержим сексом (и особенно его экстремальными вариантами), то нам будет непросто разглядеть факт того, что всё совсем наоборот, и интерес к жёсткому сексу питают женщины, даже если эти данные нам представлены наглядным образом в виде графика. Сложно разглядеть что-то, если считается, что должно быть наоборот. Так доминирующее знание и работает.

Когда я поделился с друзьями, что и согласно моему опыту, женщины нередко склонны инициировать какие-либо формы жёсткого секса, они припомнили немало таких эпизодов и из своей практики. Причём если читать феминистские форумы, то складывается однозначное впечатление, что именно мужчины – фанаты жёсткого секса: они постоянно принуждают к нему женщин, а те вынуждены страдать. Но почему складывается такое впечатление? Правильно, потому что в рамках господствующей культуры, где секс в целом признан постыдным явлением (особенно для женщин), куда громче слышны голоса тех, кто категорически не приемлет жёсткие его формы. Встретить же тех, кто честно признается в любви к такому сексу, почти нереально. Таким образом, мы снова слышим в основном тех, кто находит поддержку в господствующей культуре. Но реальность не совсем такова, как её принято описывать, и анализ интернет-запросов это

показывает. А пока часть феминисток и некоторые психологи (см. Зимбардо, Коломбе, 2017) трубят о вредном влиянии жёсткого порно на мужскую психику, женщины спокойно смотрят его дальше.

Как я подробно показал в книге "Миф моногамии, семьи и мужчины", даже учёные становятся жертвами культурных установок и умудряются увидеть лишь то, что ожидают увидеть, и проглядеть, чего увидеть не ожидают. Основной массив таких "пропущенных" данных, конечно, касается женской сексуальности: в мире, где всем заправляют мужчины, сексуальную активность женщин, как и сексуальную активность самок других животных, было принято не замечать долгие десятилетия, и срыв идеологических покрывал случился лишь с приходом в науку женщин. Да, вопреки увещаниям некоторых феминисток, именно женщины-учёные принялись отстаивать право женщин на сексуальное желание и активность.

Однажды я суммировал собственные наблюдения за мужской и женской сексуальностью, а позже обнаружил и научную литературу, подтверждающую эти выводы, и поделился с друзьями: женская сексуальная потребность ничуть не уступает мужской, а, вероятно, даже превосходит её (см. главу "Миф женской сексуальности" в книге "Миф моногамии, семьи и мужчины"). Друзья восприняли информа-

цию со скепсисом, кто-то и прямо сказал о сомнениях. Но прошло всего несколько месяцев, как они же стали делиться забавными наблюдениями о чрезвычайной сексуальной настойчивости своих подруг и жён, об их обидах, если парни вдруг оказывались заняты в нужный момент и т.д. Примерно через полгода в очередные наши посиделки немалая часть бесед уже была посвящена высокой сексуальной активности женщин. Друзья, вооружённые новой теоретической оптикой, стали подмечать то, что прежде было скрыто от их глаз.

Распространённый стереотип о высокой мужской сексуальности мешает людям замечать противоречащие ему факты, и даже если мужчина будет много раз оказываться в женской постели сугубо из-за её настойчивости, он останется склонным говорить о повышенном мужском желании, травить анекдоты о любвеобильных мужчинах и прочее, а всё то, что долгое время и регулярно происходит лично с ним, он будет описывать в каких-то других терминах, приписывая это просто стечению обстоятельств и классифицируя как собрание исключений – которые в действительности совсем не редки.

Даже если *"такого рода текст расходится с очевидной и известной жизненной реальностью, то сомнению подвергается не он, а сама эта реальность, вплоть до объявления её несуществующей"* (Лотман, 1992, с. 368).

Вся совокупность противоречащих культурным предпи-

саниям случаев так и будет оставаться неупорядоченной россыпью случайных осколков, пока их не объединит в цельное полотно одна лишь озвученная мысль. Высказанная идея превращается в шаблон восприятия и позволяет смотреть на мир через другую оптику, под другим углом и видеть нечто, что раньше оставалось незамеченным. Доминируемое знание достаточно лишь озвучить, и оно начнёт выбираться из-под знания доминирующего, пробивая путь к свету.

Картина такая, что человек будто стоит перед тысячей рассыпанных букв и внимает шёпоту культуры: ты видишь слова "дисциплина", "порядок", "терпение"... И действительно начинает видеть именно их. При этом совершенно не замечая все остальные возможные комбинации. Так работают культурные шаблоны, механизм доминирования одних знаний над другими.

Чтобы увидеть явление по-новому, нужно просто сменить точку зрения. Все "отклонения" от культурных норм, случающиеся в нашей жизни, воспринимаются нами как исключения и описываются в терминах случайности, как нечто единичное, характерное только для нашей ситуации; тогда как в действительности всё, происходящее с нами, почти наверняка происходит и с другими. Но пока все считают свою ситуацию индивидуальной, исключительной и молчат о ней, то так никогда и не поймут, что имеют дело с системой, – в которую погружены и все остальные. Разглядеть систему всегда непросто.

Моя знакомая развелась.

– Не сошлись характерами, – говорит она.

– Не в характерах дело, – замечаю я. – Сейчас по всей стране уровень разводов колеблется в районе 50-70%, то есть на 10 браков 5-7 разводов. А сколько ещё не разводятся, хотя тоже всё уже плохо? Таких ведь тоже немало. Вот и получается, что о разводе думают многие, только решаются 70%. Это не индивидуальная проблема каждой пары, а общая для всех. Дело в самом институте брака – он просто устарел.

– Причём здесь сам брак? – хмурится знакомая. – Дело в конкретных людях... Надо больше работать над отношениями.

Такой логики придерживается основная масса. За деревьями не видит леса, и не понимает, что любая индивидуальная проблема имеет общий характер.

Недавно одна подруга разместила радостный пост: "Наконец-то я могу всем объявить, что мы женимся!". Я был в задорном настроении и еле сдержался написать комментарий "А о разводе потом тоже будет пост?" Трюк в том, что люди стремятся громко заявить о свершившемся браке, но вот разводы же проходят куда более тихо – обходятся без шумных кортежей в пятницу и без постов в соцсетях. В итоге обыватель пребывает в представлении, что все вокруг женятся и никто не разводится, и у всех всё хорошо. Так реализуется доминирование одного знания над другим, формируя

картину мира, неадекватную самой реальности.

Доминирующее знание гласит, что в браке – счастье да любовь; доминируемое же знание (и масса научных исследований) говорит, что удовлетворённость браком с каждым годом непременно снижается (см. раздел "Тёмные стороны брака и семьи" в моей книге "**Миф моногамии, семьи и мужчины**"). Каждый из нас знает мало реально удачных браков, но, несмотря на это, в публичном пространстве принято говорить о браке сугубо в позитивном ключе.

Доминирующее знание гласит, что в браке – спокойствие и спасение от одиночества; доминируемое же знание (и масса научных исследований) говорит, что это верно для мужчины, но не верно для женщины, которая в браке становится как раз несчастнее, теряет здоровье и становится более одинокой (см. раздел "Тёмные стороны брака и семьи" в книге "**Миф моногамии, семьи и мужчины**").

Доминирующее знание гласит, что люди моногамны и для них в порядке вещей создавать брачные пары "раз и навсегда"; доминируемое же знание (и масса научных исследований) утверждает, что большинство людей не придерживаются принципов сексуальной эксклюзивности, то есть не ограничиваются одним половым партнёром не только в течение всей жизни, но и в течение одного брака.

Доминирующее знание гласит, что между братьями формируются особенно близкие чувства – "братская лю-

бовь" (и производный от него термин "братство" как знак близкой связи, сплочённости); доминируемое же знание (и научные исследования) гласит, что в реальности позитивные отношения между братьями складываются редко – даже реже, чем между сёстрами (Koch, 1957; Leder, 1993; Алмазова, 2013). Да и каждый из нас, наверное, может вспомнить многих братьев из детства как скорее конфликтующих, чем любящих друг друга.

Доминирующее знание гласит, что семья – надёжное укрытие от невзгод внешнего мира; доминируемое же знание (и масса научных исследований) утверждает, что семья – основной источник стрессов, насилия и психических заболеваний (см. главу "Семья и дети" в книге "**Миф моногамии, семьи и мужчины**").

Доминирующее знание гласит, что в детях – счастье; доминируемое же знание (и масса исследований) говорит, что дети значительно снижают уровень счастья родителей (см. главу "Семья и дети" в книге "**Миф моногамии, семьи и мужчины**").

У моей хорошей подруги уже с год как депрессия: в её 30 лет все её знакомые уже замужем или "в отношениях" и имеют детей, а вот у неё ничего из этого нет – чем не повод для депрессии?

Наивные представления о жизни всегда ведут к отчаянию. В современности большой пласт доминируемого зна-

ния принадлежит именно сферам брака, семьи и родительства. К примеру, в ходе одного национального опроса в США 70% родителей ответили, что не стали бы снова заводить детей, если бы могли начать жизнь заново (Крюкова и др., 2005, с. 86). Но при этом мы вряд ли можем услышать подобное от самих людей непосредственно, верно? Вот это и есть доминируемое знание. Об этом принято не говорить. Кажется, прямо я слышал такие признания только от трёх матерей. Правда, похоже, ситуация начинает меняться, и в 2019-ом была даже издана книга **"#щастьематеринства. Пособие по выживанию для мамы"**. Авторы книги – три российские мамы, уже несколько лет ведущие популярные ресурсы в интернете со многими тысячами таких же матерей-подписчиц, посвящённые как раз тяготам материнства и извечному крику-вопросу "Почему меня никто не предупреждал?!". На более чем 200 страницах текста, порой переходя на ругательства, они описывают, как это титанически сложно – быть матерью. Книга мрачная, иначе и быть не могло. Но всё же вряд ли её станут читать те юные особы, которые грезят стать матерями, ориентируясь на телевизионную рекламу с вечно лучезарными детьми и не менее лучезарными родителями.

Анализ огромного массива запросов в Google показывает, что люди часто не хотят рожать детей, но делают это через "не хочу", боясь упустить что-то важное, как это транслирует культура (доминирующее знание). Но уже после родов люди с детьми в 3,6 раза чаще сообщают Google, что жалеют о

своём решении, чем взрослые, решившие не заводить детей. Тогда родители просто делятся с поисковой системой сокровенной фразой: *"Google, я жалею, что завёл детей"* (Стивенс-Давидовиц, с. 140).

Почему люди делятся этим с поисковиком, а не с другими людьми? Потому что это доминируемое знание – о нём положено молчать, его положено стыдиться, поскольку оно дисквалифицировано, признано неким "отклонением" от культурного вектора, а значит, и порочащим самих людей.

Одна молоденькая мама рассказывала, как однажды, наглотавшись отчаяния со своим дитём, не выдержала и поделилась горем с подругами, у которых дети появились ещё раньше.

– А ты как думала?! – всплеснули руками они. – У всех так....

– Но почему вы не говорили этого раньше? – замерла девочка в растерянности. Подруги только неоднозначно улыбнулись в ответ.

"Наша культура постоянно заваливает нас изображениями прекрасных, счастливых семей", пишет бывший аналитик "Google" Сет Стивенс-Давидовиц, описывая механизмы доминирующего знания. *"Большинство людей никогда даже не предполагали, что могут пожалеть о наличии детей. Но некоторые жалеют. И они не могут признаться в этом никому – кроме "Google".*

Иными словами, в нашей культуре есть явления, очень на-

поминающие покойников, – о них либо хорошо, либо ничего. Так и проявляется работа доминирующего знания над доминируемым.

Мощнейшим генератором доминирующего знания оказывается государственный закон. В 1977 году в Швеции ввели запрет телесных наказаний детей – при этом 70% граждан были против запрета. Но уже к 1997 году противников закона осталось всего 10% (Миллер, 2003, с. 11). Из этого вовсе не следует, что реальная практика домашней порки ощутимо снизилась, главное же, что люди начали говорить и считать, "как принято" говорить и считать.

Ещё более яркий пример работы доминирующего знания можно привести из сферы недавнего законодательства в РФ. Как только в 2013 году был принят закон, именуемый в народе "о пропаганде гомосексуализма" (135 ФЗ от 29.06.2013), нейтральное отношение к гомосексуалам обрушилось почти вдвое (с 45 до 23%), а негативное отношение выросло почти на треть (Толкачёв, 2016). То есть стоило лишь властям через СМИ начать гомофобную риторику, так народ сразу же отреагировал на это в духе "как надо говорить". Но уже весной 2019-го отношение россиян к гомосексуалам снова стало спокойным – по мнению аналитиков, это случилось по причине того, что власти снизили активность гомофобной пропаганды, да и никаких уголовных дел по статье 2013 года так заведено и не было. Народ просто забыл, "как надо гово-

речь" о гомосексуалистах, и стал говорить, как есть.

Другим мощным источником доминирующего знания оказывается общеобразовательная школа (Андерсон, 2016, с. 207; Бурдьё, 2007, с. 221), которая основательно подходит к формированию кодекса знаний, чтобы затем формировать нужный властному режиму тип личности ученика – главными предметами отбора, конечно, оказываются история и литература. Распространённым механизмом формирования доминирующего знания в школе оказывается полуправда о той или иной исторической персоне, которую хотят идеализировать. В этом плане типичное доминирующее знание – это стихи Пушкина в школьной программе и экскурсия в Тригорском, где экскурсовод с придыханием поведаёт, как именно здесь поэт смущённо вручил Анне Керн листочек со стихом "Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...", но при этом не будет ни слова, как Пушкин самими лихими фразами описывал друзьям подробности овладения ею, или даже как делил Керн с некоторыми из них (Пушкарёва, Экштут, 1996), ни слова о пушкинских матерных стихах, ни слова о его сексуальных похождениях по всем другим фронтам. В итоге у молодёжи непременно складывается ложное представление о Золотом веке русской литературы, откуда выпадает сексуальная разнузданность и великосветские оргии (Дубельт, 1995, с. 260), и остаются лишь робкие взгляды, красивые слова и частые дуэли в защиту чести.

Здесь мы подходим к тому важному моменту, что чем ближе какое-либо явление в данной культуре оказывается к рангу священного, тем более вероятно, что оно стоит на постаменте из доминирующего знания – то есть большой массив неприглядной правды о нём умалчивается.

Именно поэтому социологи подчёркивают, что для объективного изучения социальной реальности, свободного от идеологических наносов, им должен быть присущ особый изблительный мотив. *"Сама логика его науки подталкивает социолога к развенчанию тех социальных систем, которые он изучает. Социолог будет вынужден в своей деятельности бросить вызов тому, что окружающие его люди воспринимают как данность"* (Бергер, 1996, с. 42). Социолог должен быть готов к тому, что придётся *"срывать покровы с пропаганды и обмана, которыми люди прикрывают свои поступки по отношению друг к другу"* (там же). И поскольку социология готова сорвать все эти покровы и с того, что возведено в ранг священного, она должна иметь некоторую долю непочтительности, которая должна постоянно присутствовать в сознании социолога (с. 50).

Иначе говоря, чтобы узнать правду, нужно иметь смелость поставить под сомнение все свои ценности и авторитеты. Ведь, как известно, *"человек, имеющий идеал, не может быть человеком науки, ибо исходит из предвзятого мнения"* (Энгельс, 1964, с. 170). *"Ни одна идеология не достойна того, чтобы в неё верить, – и только постоянно подвергая со-*

мнению не только пути достижения целей, но и сами цели, можно действительно заслужить звание человека разумного" (Носырев, 2013, с. 512).

Почему здесь так много внимания уделено доминирующему и доминируемому знаниям? Потому что, как увидим дальше, доминируемые знания представляют собой целую скрытую реальность в тени доминирующей идеологии. Наши представления о мире так сильно расходятся с самим миром, что для его понимания, надо перевернуть наши представления с ног на голову. В принципе, целиком этому и посвящены две мои книги – **"Миф моногамии, семьи и мужчины"** и **"INSIPIENS. Абсурд как фундамент культуры"**. И без учёта всех доминируемых знаний этот "переворот" на голову был бы невозможен, ведь только они могут показать фиктивность нашей картины мира.

Как часто мыслит человек?

До тех пор, пока люди изъявляют ровно те же устремления и ценности, что и все прочие представители культуры, актуальным остаётся вопрос о наличии у них общественного сознания, а никак не индивидуального. Люди мыслят общими категориями, выработанными задолго до них, используют их как инструменты познания действительности и в итоге получают тот единственный продукт, который и мог быть этими инструментами получен: свой неуникальный взгляд на мир с его неуникальными переживаниями и неуникальными устремлениями. Сознание, выкроенное по общим лекалам и сшитое из общего материала, может называться только общественным (общим).

Сознание какого бы человека мы ни взяли заполнено *"множеством коллективных представлений, воспринятых этим сознанием по традиции, так что их происхождение теряется во мраке времени"* (Леви-Брюль, 1994, с. 18).

Образно говоря, культура, влитая в голову конкретного человека и будто обособленная в ней, порождает иллюзию собственного "Я" – как если бы каждая пара большой губки, источая впитанную влагу, считала эту влагу "своей". Пока мы формулируем все наши мысли и переживания общепринятыми терминами, мы остаёмся органами этого обществен-

ного начала, отделить себя от которого очень и очень сложно. Поэтому когда носитель общественного сознания заявляет о каком-либо своём взгляде или желании, то так видит и этого желает сама культура (Александров, Александрова, 2009, с. 22).

Слово "Я" имеет чисто "грамматическую" природу, то есть *"не называет никакую объективную сущность, а всего лишь помогает выстроить коммуникационную ситуацию"* (Михайлов, 2015, с. 71), позицию, с которой культура вещает о себе самой. Носитель общественного сознания (или коллективный субъект – Лекторский, 2010, с. 660) – это орган своей культуры, её выразитель, одна из миллиардов её конечностей. Это очень напоминает фильм "Матрица", где одноимённая компьютерная программа активно действовала в виде сонма своих "агентов".

Когда очередная старушка узнаёт, что я убеждённый холостяк и чайлдфри, и непременно раздражается тирадой об "эгоизме", о том, что "так нельзя", иначе "человечество умрет", я не могу смотреть на неё без улыбки. Я думаю о том, что вижу перед собой агента культуры, представляю её в чёрном костюме и в солнцезащитных очках, и не могу не улыбаться. Увещевания подобных старушек – и есть трансляция культуры. Через них культура тянет руки, чтобы затащить в свои древние подземелья ещё одну жертву. Не зря процесс формирования личности под действием общественного сознания Маркс и Энгельс называли "обработкой лю-

дей людьми" (Маркс, Энгельс, 1955, с. 35) – учитывая всех этих старушек-агентов, очень метко сказано.

Каждый раз, сталкиваясь с такой бабушкой, понимаешь, что в её лице с тобой говорит толпа ушедших эпох. Её устами говорят её деды и прадеды, мамы и бабушки, друзья и соседи, Белинский и Пушкин, и древний шаман у капища. И отвечать ей нет нужды, потому что ответы твои никто не услышит – ибо все они давно мертвы.

В философии и в когнитивных науках личность описывается то как "узелок", завязывающийся в сети взаимных отношений между людьми (Ильенков, 1984, с. 329), то как *"заворачивание линий культурно-исторического движения"* вокруг человека (Давлетова, Шабельников, 2015, с. 102) – то есть процесс рождения личности главным образом "пляшет" вокруг метафоры сгущения, уплотнения чего-то изначально разреженного, конденсирования его в нечто плотное и осязаемое, как розовое облако, выпадающее градом, или же как шерсть, наматываемая на веретено. Смыслы из безграничного пространства культурных текстов словно сжимаются в один конспект, стоит им только зацепиться за тело родившегося ребёнка, который тут же превращается в их читателя – в человека *"без истории, без биографии, без психологии"* (Барт, 1994, с. 390). Иначе говоря, субъект не создаёт себя, как не создаёт и свой текст, он просто "читает" то, что вокруг него, "прочитанным" заполняя пустоту внутри себя. Так рождает-

ся "Я" – оно приходит извне.

Более радикально выразился Андрей Курпатов в ставшей культовой среди молодёжи книге "Красная таблетка": *"Нам кажется, что мы – результат собственного сознательного выбора, а мы – лишь случайная производная. Нас создала социальная машина, которая сама запуталась в собственных предрассудках, лжи и откровенном невежестве"* (с. 4). *"Мы пришли в этот мир, ничего толком не соображая, не имея никакой собственной позиции, и на нас надели то мировоззрение, которое на тот момент и на данной территории было в моде"* (2018, с. 132).

Что важно, с точки зрения самой личности, её формирование выступает как развёртывание собственных идеалов её деятельности (Давлетова, Шабельников, с. 102), будто всё идёт изнутри, а не снаружи, что и порождает иллюзию собственного "Я". Культура, передаваемая из рук в руки, через отношения с другими проникает в мозг человека и делает его своим органом, *"послушным, легко управляемым орудием"* (Ильенков, 1984, с. 328). Историк Юваль Харари выражается совсем радикально, сравнивая культуру с инфекцией, вирусом или паразитом, который завладевает человеком и требует от него её распространения дальше, другим представителям вида (2016, с. 295) – порой даже ценой собственной жизни.

В случае с культурой пример с "проникновением в мозг" всё меньше оказывается метафорой: в момент копирова-

ния действий мозговая активность людей синхронизируется (Naem et al., 2012), и ровно это же происходит, когда два человека просто вступают в разговор (Perez et al., 2017). Взаимодействуя, люди словно становятся "раздельным целым". Индивидом каждого называют только потому, что его можно посчитать вместе с другими или положить отдельно от других. Это обособление чисто пространственное, но не функциональное, на деле же он, как и все, суть одно целое – орган культуры.

"Хотя общество ничто без индивидов, каждый из них скорее продукт общества, чем его создатель" (Дюркгейм, 1991, с. 327).

Важный момент заключается в том, что поскольку носитель общественного сознания получает его в уже готовом виде извне, то для него оказывается почти невозможным объяснить причины многих своих действий, обосновать свои устремления и эмоции; для него они выступают как самоочевидные внеисторические данности, как нечто, существующее всегда, независимое от условий и не требующее объяснений, потому что "это же и так понятно".

Массы не задумываются над своими повседневными практиками, составляющими основную часть их жизни: почему они носят одежду, почему пожимают руку при встрече, вступают в брак, рожают детей и многое другое. Для масс

это настолько незыблемые абсолюты, что даже не возникает мысли вскрыть природу этих действий, их смысл. Именно тот факт, что целые пласты действий и деятельности носителями общественного сознания осуществляются некритично и безотчётно (просто потому, что "так принято"), наводит на мысль, что эти носители ведут в целом неосознаваемый образ жизни, что позволяет считать феномен общественного сознания идентичным феномену бессознательного (Улыбина, 2003, с. 27; Александров, Александрова, 2009, с. 38). Парадокса здесь нет: общественное сознание тем и характерно, что носитель не знает его истоков, так как оно (как совокупность культурных текстов) возникло задолго до самого носителя. Общественное сознание оказывается в положении своеобразной аксиомы, лежащей в основе бытия, являющейся его центром и потому не подлежащей рефлексии и критическому осмыслению, и даже исключаяющей их и требующей чистой веры (Абульханова-Славская, 1991, с. 194). Задуматься над истоками собственного поведения для носителя общественного сознания равносильно попытке развернуть глаза внутрь и рассмотреть заднюю стенку своего черепа.

Для понимания принципов работы собственного сознания и для понимания его общественных истоков человеку необходимы большие объёмы дополнительных знаний, которые оказываются доступными лишь целенаправленно ищущим, и, что важно, во многом это будут оказываться зна-

ния доминируемые, то есть всё то, что аккуратнo вытеснено основным массивом культурных текстов в связи с несоответствием основным культурным векторам. Иными словами, индивидуальное сознание вырастает из пространства доминируемых текстов.

К примеру, когда узнаёшь, что женское сексуальное влечение, вопреки мифу доминирующего знания, ничуть не уступает мужскому, а может, и превосходит его, то начинаешь видеть ситуацию иначе, чем большинство, начинаешь и вести себя иначе, не как все. Когда узнаёшь нечто малоизвестное, что описывает реальность адекватнее общепринятых концепций, то это меняет твоё восприятие реальности, делает его непохожим на восприятие большинства, и в этот момент ты будто чуть отдаляешься от общественного сознания или же отхаркиваешь какую-то его часть за непригодностью. В этом плане индивидуальное сознание хоть и развивается из сознания общественного, вырастает на его базе, но непременно вступает с ним же в борьбу за право смотреть на мир иначе, чем тому учит господствующая культура.

Индивидуальное сознание рождается в ходе переосмысления мира, переименования его явлений и вытеснения голосов предков из собственной головы. И это уже напрямую связано с категорией свободы, которая, в понимании Фуко, состоит не в том, чтобы понять или определить, кто мы такие, а в том, чтобы восстать против уже существующих определений, категорий и классификаций (цит. по Rajchman, 1984,

р. 15) и тем самым получить возможность выбрать собственный путь.

Даже самые образованные люди нашего века оказываются лишь органами своей культуры, бессознательными носителями общественного сознания. Опыт и ценности своих предков они полагают своими, пребывая в искренней убеждённости, что говорят от своего лица. Но пока они желают и делают всё то же самое, что и все вокруг, они остаются носителями общественного сознания, а никак не своего, индивидуального, – потому что для его формирования надо провести поистине титаническую работу. Все колоссальные запасы знаний в головах эрудитов оказываются лишь простым нагромождением фактов, если не способны сколь-нибудь ощутимо влиять на их поведение. Не зря в философии различают знание и понимание. Они – как ингредиенты к салату и сам салат: ящик с огурцами мы салатом не назовём, прежде их надо порезать, перемешать, залить маслом и присыпать укропом. Так и понять – значит успешно внедрить новое знание в систему собственных представлений о мире, что непременно ведёт к изменению этих самых представлений (Аветисян, 2006), а, следовательно, ценностей и поведения.

Кто-то в интернет-пространстве хорошо выразился: *"Понимание – это обнаружение логических, метафорических, ассоциативных, эмоциональных взаимоотношений между новым знанием и остальной моделью реальности, построенной на предыдущих знаниях. Чтобы знания стали понима-*

нием, их нужно годами втирать себе в мозг". Каждое новое понимание ведёт к некоторому смещению взгляда на мир. Или, как считал радикальный поэт Илья Кормильцев, если ты сегодня что-то новое понял, то не позднее чем завтра ты должен начать что-то новое делать.

Мои старые друзья, с которыми ещё в школе зачитывались "Происхождением семьи, частной собственности и государства" Энгельса и понимали, что брак и семья – лишь формы эксплуатации человеческого ресурса в угоду сложившейся экономической обстановке, годы спустя женились и рожали детей. Когда мой самый близкий друг и ярый приверженец этих прогрессивных взглядов в свои 30 лет заявил, что женится, я удивлённо спросил:

– Зачем?!

– Потому что она хорошая, – смущённо ответил он. Он смутился моему вопросу, потому что такие вопросы не принято задавать. А я задал. Поставил доминирующее знание под сомнение.

– Но ты ведь как никто другой понимаешь, что всё это к браку не имеет никакого отношения? Тогда зачем?!

– Потому что мы любим друг друга, – ещё более растерянно ответил он, по сути, просто повторив прежний тезис.

Прекрасно понимая, что одно никак не связано с другим, он всё равно делал, что принято, и говорил, как принято. Так положено, так заложено, и он ничего не мог с этим поделать – этот механизм с его шаблонами был с самого детства глубоко

вшит в его подкорку. Несмотря на все свои прогрессивные взгляды, парень оставался самым что ни на есть обычным органом культуры – он делал "как все".

"Мощные социальные процессы обладают удивительной силой, подавляющей более слабый процесс вроде кратковременной рефлексии" (Коллинз, 1994, с. 82).

И конечно, уже через год он начал ей изменять. Так делают все, и он не был исключением, потому что был носителем общественного сознания, то есть, по сути, был бессознательным. Не зря подмечено, что подавляющее большинство вчерашних гениальных младенцев с лёгкостью меняют многотрудную привилегию создания новых форм и канонов на уют рутинного функционирования (Михайлов, 2015, с. 40).

Ещё через год он даже думал покончить собой, так невыносима стала его жизнь в браке. Но он переборол себя, так как все перебарывают, и несчастливый брак остаётся молчаливой нормой, тем, о чём принято не говорить. Из пятерых моих ближайших друзей четверо думали о разводе и двое из них – о самоубийстве; и в обоих случаях по причине брака. Так выглядят носители общественного сознания.

Как бы ни был ты прогрессивен во взглядах, а на действиях ты остаёшься ровно тем же, что и все. Все мы герои в потенции, но актуально же мы – обыденность и статистика. Марксисты женятся, а феминистки выходят замуж – такова правда жизни. Думаешь одно, делаешь другое – в этом и со-

стоит очарование общественного сознания: оно позволяет не ломать голову над выбором. Мышление активно используется лишь в незначительных бытовых ситуациях (для расчётов 2x2, куда вставить штекер, оценка сдачи на кассе и т.д.), масштабные же явления не осмысляются – для них применяются давно заготовленные культурные сценарии. Эти сценарии настолько глубоко вшиты в психику, что даже не осознаются – как воздух, которым дышим, становится незаметным.

Потому-то одним из главных открытий социологии оказалось то, что рациональность ограничена и появляется лишь при определённых условиях (Коллинз, 2004, с. 403).

В "Бегстве от свободы" Эрих Фромм описывал, как люди вступают в брак чисто по традиции, не задумываясь, что это и зачем, ошибочно принимая данный ход обстоятельств за своё собственное желание. Философ писал о типичном женихе: *"В течение месяцев, ведущих к свадьбе, он твердо убеждён, что он хочет жениться, и первый – несколько запоздалый – намёк на то, что это, быть может, не совсем так, появляется только в день свадьбы: на него вдруг нападает паническое желание удрать. Если он человек "здоровомыслящий", то это чувство длится лишь считанные минуты; на вопрос, на самом ли деле он хочет жениться, он с неколебимой уверенностью ответит "да".*

Мы могли бы привести массу примеров из повседневной жизни, в которых людям кажется, будто они принимают

решение, будто хотят чего-то, но на самом деле поддаются внутреннему или внешнему давлению "необходимости" и "хотят" именно того, что им приходится делать. Наблюдая, как люди принимают решения, приходится поражаться тому, насколько они ошибаются, принимая за своё собственное решение результат подчинения обычаям, условностям, чувству долга или неприкрытому давлению. Начинает казаться, что собственное решение – это явление достаточно редкое, хотя индивидуальное решение и считается краеугольным камнем нашего общества" (Фромм, 2006, с. 207).

Мозг нужен людям, чтобы отгадывать кроссворды и участвовать в викторинах по эрудиции, теща распухшее Эго правильными ответами. В жизни, вдоль и поперёк прошитой культурными шаблонами, для интеллекта почти не остаётся места. Насколько уместно говорить о мышлении и свободной воле, когда всё наше поведение оказывается действием по заранее написанным сценариям? Можно, но ровно так же, как можно считать свободным движение канатоходца на большой высоте. Мозг необходим человеку ровно до тех пор, пока он не освоит культуру, а дальше его можно выкидывать – автоматизмы прекрасно всё сделают сами. Психологам хорошо известно, что мышление начинается там, где *"цель не может быть достигнута с помощью готовых средств"* (Лурия, 1962, с. 379), а если для всех значимых

решений давно заготовлены культурные шаблоны, то интеллект остаётся лишь для незначительных бытовых дел.

Пока привычные действия воспроизводятся слепо, автоматически, они являются мощнейшей силой воспроизводства ценностей, правил и практики (Адоньева, 2011, с. 18). Всякое действие, совершаемое по причине "так принято", оказывается транслятором непонятой культуры и свидетельствует о господстве общественного сознания. Если принять позицию Фуко, что опыт – это *"то, из чего ты сам выходишь изменённым"* (Фуко, 1996, с. 410), то у людей с общественным сознанием нет и опыта. События их жизни никак их не меняют, как только они окультурились, оказались слитыми с культурой. Инкультурация – единственный их опыт, у них есть лишь общественный опыт, запечатанный в культурных императивах, а индивидуальный опыт не осмысливается и потому ничего не стоит.

Все эти механизмы передачи опыта путём простого заимствования у Других прекрасно работали в древности, когда повседневность казалась застывшей на месте, и жизнь разделённых тысячелетиями поколений ничем не отличалась; но в условиях же "текучей современности", когда научный прогресс и изменения экономических и социальных отношений набрали свой нереальный темп, вся эта конструкция передачи древнего опыта посыпалась, оказавшись слишком громоздкой. Принуждая в новых условиях жить по старым канонам, культура стала приносить людям страдания. Внезап-

но девальвированные древние ценности оказались так же полезны, как карта плоской Земли для орбитальных полётов. Этим в частности и обусловлена утрата родительского авторитета в глазах молодёжи, усилившаяся в XX веке (Поливанова и др., 2013) – дети видят, что их родители ведут себя неадекватно новым социальным условиям, и потому больше не могут выступать образцами для подражания, что и привело к ориентации молодёжи на самих себя как более адекватных носителей современных взглядов и навыков. Нынешней молодёжи оказалось куда логичнее ориентироваться на отдалённых, но современных им Других, нежели на собственных родителей, носителей ценностей уже устаревших.

Ортега-и-Гассет считал, что массы – *"это те, кто плывёт по течению и лишён ориентиров"* (2008, с. 48). Но это не так. Массы как раз перегружены ориентирами, без ориентиров они и шага ступить не могут, поскольку рождают собственные смыслы и прокладывают свои пути они не способны, как паркинсоник, замерший на месте. Ходить по струнке и в указанном направлении – вот призвание масс, почему они старательно и выискивают ориентиры всюду, где только можно – в священных писаниях, в кино, в Instagram популярных звёзд. В этом плане точнее высказывание Бодрийяра, считавшего массы теми, *"кто ослеплён игрой символов и порабощён стереотипами"* (2007, с. 192).

Можно быть хоть тысячекратно уверенным в уникальности собственного Я, но на деле нет ничего более стандарт-

ного, чем наша точка зрения и наше мнение о самих себе.
Наше Я – лишь иллюзия.

И что в остатке?

"Всё, что ты знаешь – ложь" заявил однажды радикальный поэт Илья Кормильцев, а **"все открытые двери ведут в тупик"**. Отсутствие инстинктов у человека с лихвой компенсируется перениманием культурных шаблонов и восприятием мира только через них. При этом за пределами шаблонов остаётся неувиденным миллион иных возможностей. Мы привыкли ходить по натоптанному, и это большая наша беда.

Немецкий философ XVIII века Георг Кристоф Лихтенберг говорил: *"Заурядный человек всегда приспосабливается к господствующему мнению и господствующей моде, он считает современное состояние вещей единственно возможным и относится ко всему пассивно. Ему не приходит в голову, что всё – от формы мебели до тончайшей гипотезы – решается в великом совете человечества, членом которого он является. Он носит обувь с тонкими подошвами, хотя острые камни мостовой и режут ему ноги; пряжки у него сдвинуты к самым пальцам и поэтому часто за всё зацепляются. Он не думает о том, что форма обуви так же зависит от него, как и от того дурака, который первым начал носить тонкие подошвы на плохой мостовой. Великий же гений всегда задаёт вопрос: а может быть,*

это неправильно?.. Поблагодарим же этих людей за то, что они порой хоть однажды встряхивают то, что стремится осесть" (Лихтенберг, 1964, с. 84).

"Наличие собственного взгляда – это очень серьёзное завоевание", говорит антрополог Светлана Адоньева. "Потому что, на самом деле, мы смотрим на мир не своими глазами, в этом проблема. Мы смотрим теми глазами, которые нам "вставили" по мере нашего воспитания, образования и взращивания. Эти глаза вставлены, мы ими смотрим, мы ими оцениваем, мы дальше воспроизводим ту реальность, в которую нас поместили". Таким образом сложившаяся культура снабжает нас сильно ограниченным перечнем сценариев жизни. Причём с развитием технологий в XX веке культура эта потерпела сокрушительный удар, по сути, была разрушена. Старые нормы и культурные сценарии больше неактуальны и не работают. Их воспроизведение в новых условиях не даёт былых результатов. И чтобы возникли новые сценарии, надо создать новую культуру. "Её нужно именно создать каким-то образом, её пока нет. Сейчас интересное время. Время для создания реальностей" (Адоньева, 2014).

"Теряя в кризисе мир, человеку надлежит, исходя из имеющихся у него предпосылок, вновь создать свой мир из первоначала... Он должен подойти к границе, чтобы ощутить свою трансцендентность" (Ясперс, 2008, с. 158).

Наша социальная реальность полностью нами же сконструирована, все эти "нации, общества, идеологии, замкнутые системы – ничто из этого в реальности не существует. Действительность всегда невообразимо более беспорядочна, даже если вера в их существование основана на неоспоримой общественной силе" (Грэбер, 2014, с. 37). Даже современный человек, его эмоции и психология, в значительной степени был создан глобальными культурными сдвигами XIX века. Не зря философ заметил: "человек – всего лишь недавнее изобретение, образование, которому нет и двух веков, малый холмик в поле нашего знания, и что он исчезнет, как только оно примет новую форму" (Фуко, 1994, с. 36).

Мир существенно меняется каждое столетие или даже десятилетие, нам просто сложно это признать. Человеку страшно без опоры, без веры во что-то незыблемое, он не может существовать без ориентиров, а если ориентир был утверждён совсем недавно, и человек об этом знает, у него автоматически возникает право усомниться в его действительности. Потому в условиях современных глобальных перемен люди с таким усердием и держатся за "традиционные" роли мужчины и женщины, за "традиционный" институт семьи и брака – им просто страшно, и не даёт покоя мысль: а как тогда жить, если всё это условность? Для человека нет задачи сложнее, чем генерировать собственные смыслы. Куда проще заимствовать смыслы уже существующие, созданные совсем не им и до него, и жить по их канонам, веря в их

"традиционность" и даже в "естественность". "Таков порядок вещей", любит сказать человек, лишь бы избавить себя от мук рождения собственных смыслов. И его ничто не страшит больше мысли, что в действительности никакого "порядка вещей" нет вообще, а это лишь наш способ описания хаотической реальности, которую так проще воспринимать. Как говорил философ, сам себя провозглашающий порядок является только прикрытием хаоса. Потому человек готов в припадке паники держаться за любой иллюзорный порядок, даже самый жестокий и несправедливый. Ему так спокойнее.

Чтобы прожить иную жизнь, отличную от жизни других, её придётся строить. Старые ориентиры больше не работают. Их надо создавать самим, своими руками.

В наше время стало много молодёжи с волосами самых невообразимых цветов – синие, зелёные, розовые, платиновые. Настоящая радуга вокруг. Это очень радостно видеть, ведь это говорит о свободе, всё больше проникающей в головы людей. Если задуматься, ещё в не такие далёкие советские времена человека, решившего окрасить волосы в некий необщепринятый цвет, мало того что осмеяли бы, так и непременно поместили бы в некоторую условную категорию типа "панк" или "хиппи". Да даже лет десять назад, если твои волосы были глубоко чёрными и на тебе была определённая одежда, то тебя автоматически относили к категории либо "гот", либо "эмо". Сейчас же такого нет. Сейчас кра-

сить волосы в любой цвет – это норма, а потому не придумывают никаких отдельных словарных категорий для людей с самым невообразимым цветом волос. Теперь это просто человек с синими волосами. Или с зелёными. Это наводит на мысль, что особые "отличительные" термины придумываются лишь тогда, когда требуется подчеркнуть их "ненормальность", необщепринятость. Когда какая-либо социальная характеристика получает широкое распространение, отдельное название для неё исчезает.

Отношение людей к браку во второй половине XX века сильно изменилось: если в 1957 году более половины американцев называли неженатых или незамужних людей "больными", "аморальными" или "невротиками", и только треть опрошенных воспринимала таких людей нейтрально, то уже в 1976 г. выяснилось, что негативно к одиноким людям относятся только треть американцев, а половина нейтрально. Каждый седьмой опрошенный даже поддерживал тех, кто не связан узами брака. *"В наши дни, когда одиноких взрослых людей стало больше, чем состоящих в браке, вопроса о том, одобряют американцы одинокий образ жизни или нет, вообще никто не задает"*, пишет социолог Эрик Кляйненберг (2014).

Суть в том, что образцов должно быть много, чтобы ни один не стал обязательным. Иначе будет калечащий диктат "нормы".

"С появлением альтернативного символического универ-

сума возникает угроза, так как одним своим существованием он наглядно демонстрирует, что наш собственный универсум не столь уж неизбежен; что можно жить в этом мире без института двоюродного родства; что можно отвергать и даже насмехаться над божествами двоюродного родства – и небеса не обрушатся на нас" (Бергер, Лукман, с. 177). Именно поэтому *"поведение девианта бросает вызов социальной реальности как таковой"* (там же, с. 185). В знаменитых исследованиях Стэнли Милгрэма, где испытуемых вынуждали подвергать неповинных людей ударам тока, грозящих им даже смертью, 2/3 подчинялись требованиям руководителя и нажимали кнопку. Но если испытуемым доводилось увидеть, как кто-то из участников отказывался это делать, в 90% случаев они следовали его примеру. Девиант создаёт новый образец, за которым другие могут последовать.

Ну а пока же всё пространство вокруг нас наполнено древней идеологией, ею пропитаны все поры нашей культуры, она тихо нашёптывает нам наши ценности и ориентирует поведение, чтобы древние схемы воспроизводились вновь и вновь. Неосознанно воплощая эти древние сценарии, люди обречены страдать и ломать голову над "несправедливостью мира". Чтобы изменить ситуацию, надо понять, что никакой неизбежности нет, и для собственной жизни можно создавать свои сценарии, потому что никаких "правильных" или

"естественных" сценариев у человека нет.

Философы подчёркивали, что знание истинных причин нашей социальной реальности помогает преодолеть её, переделать, как нам угодно. *"Вот почему нет более мощного инструмента разрыва, чем реконструкция формирования: заново раскрывая конфликты и конфронтации, существовавшие в самом начале, и в то же время показывая упущенные возможности, такая реконструкция актуализирует существовавшую (или которая могла бы существовать) возможность другого пути и с помощью такой практической утопии ещё раз ставит под вопрос одну из тех многих возможностей, которая оказалась реализованной"* (Бурдьё, 2007, с. 226). Понимание всей цепочки процессов, ведущих к нынешней ситуации, позволяет переделать её или же просто от неё отказаться. Или, как просто сказал Мишель Фуко, *"поскольку вещи эти были сделаны, они могут – если знать, как они были сделаны, – быть и переделаны"* (Фуко, 1996, с. 441).

Важно помнить главное: наш социальный мир – башня из конструктора. И каждый из нас может быть не только её деталью, но и её инженером.

П. Ю. Соболев

6 августа 2020 г. (tyfoon@inbox.ru)

Список литературы

Абраменкова В.В. Социальная психология детства: Учебное пособие. – М.: ПЕР СЭ, 2008.

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991.

Аветисян Б.А. Знание и понимание в познавательном процессе. автореферат диссертации по философии. – Краснодар: КубГАУ, 2006.

Адоньева С.Б. Дух народа и другие духи – СПб: Амфора, 2009.

Адоньева С.Б. Символический порядок. – СПб: Пропповский центр: Амфора. ТИД Амфора, 2011.

Адоньева С.Б. Об обрядах перехода, высших потребностях и реальности, которую нужно создать // Лекционный курс Мифология повседневности / Сине Фантом, 2014, №5 и №7.

Адоньева С.Б. Семья: собственность и иерархия // Журнал Сеанс, № 66, 2018.

Адоньева С.Б. Российская наука о народе: от эволюционизма к феноменологии // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4, с. 159-172.

Адоньева С.Б., Олсон-Остерман Л. Материнство: интимные практики женской иерархии / "Уведи меня, дорога": сборник статей памяти Т.А. Бернштам, 2010.

Адоньева С.Б., Олсон Л. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. – М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2009.

Алмазова О.В. Эмоциональные связи сиблингов и привязанность к матери во взрослом возрасте // Национальный психологический журнал № 3 (11), 2013, с. 54-60.

Альтюссер Л. За Маркса. – М.: Праксис, 2006.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Кучково поле, 2016.

Андреева Л.А. Процесс рехристианизации в секуляризованном российском обществе // Социологические исследования, № 8, Август 2008, с. 67-73.

Ансари А., Клиненберг Э. В активном поиске. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993.

Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс: Универс, 1994.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: "Художественная литература", 1986.

Бebelь А. Женщина и социализм. – М.: Госполитиздат,

1959.

Бергер П. Приглашение в социологию. – М.: Аспект-Пресс, 1996.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Academia-Центр, Медиум, 1995.

Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007.

Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis, 1993, вып. 2.

Бурдьё П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

Бушнелл Дж. Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок: Спасовки в XVIII-XIX веках. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2020.

Газзанига М. Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии. – М.: АСТ, 2017.

Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Грэбер Д. Фрагменты Анархистской Антропологии – М.: Радикальная Теория и Практика, 2014.

Грэбер Д., Уэнгроу Д. Как изменить ход истории человечества // СТАДИС. 1(1). 2019. С. 18-36.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. – М.: Индрик, 2012.

Давлетова А.Д. Развитие личности в этнически разных се-

мьях // Психология семейных отношений: монография. – М.: Флинта: Наука, 2015, с. 133.

Давлетова А.Д., Шабельников В.К. Ориентировка личности в психологическом пространстве родительской семьи (на материале исследования казахской семьи) // Психология семейных отношений: монография. – М.: Флинта: Наука, 2015.

Дубельт Л.В. Дневник 1851 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1995 . – [Т.] VI.

Дюркгейм Э.О. О разделении общественного труда. – М.: Наука, 1991.

Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. II. Развитие произвольных движений. – М.: Педагогика, 1986.

Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности. – М.: Альпина Паблишер, 2017.

Зимбардо Ф. Предисловие Филипа Зимбардо // Чейлефф А. Осознанное неподчинение. Как реагировать на спорные распоряжения. – Изд-во Альпина Паблишер, 2019.

Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Основы сказкотерапии. – М.: Речь, 2006.

Зосименко И.А. Социология массовых коммуникаций. – Ульяновск: УлГТУ, 2013

Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. – М., 1984.

Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. – М.: Ладомир, 2001.

Клейн Л. С. История антропологических учений / под ред. Л. Б. Вишняцкого. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014.

Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. – Изд-во: Альпина нон-фикшн, 2014.

Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4.

Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию // Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический проект, 2004.

Кон И. Новое о мастурбации // Андрология и генитальная хирургия, 2006, № 1, с. 15-22.

Коротаев А.В. Социальная эволюция: Факторы, закономерности, тенденции. – М.: Восточная литература РАН, 2003.

Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. – СПб., Речь, 2005.

Кузьменко Г.Н. Василиса Премудрая. Сказочные проекции архаичного образования. – М.: Инфра-М, 2014.

Куликова Л.В., Белецкий С.Б., Бурмакина Н.Г., Детинко Ю.И., Попова Я.В. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография / под науч. ред Л. В. Куликовой. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015.

Курпатов А. Красная таблетка. Посмотри правде в глаза. –

Изд-во "Капитал", 2018.

Леви-Брюль Л. О первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.

Лекторский В.А. Субъект // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2010.

Лем С. Культура как ошибка // Библиотека XXI века. – М.: АСТ, 2002.

Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения: психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения. – М.: Советская наука, 1945.

Лихтенберг Георг Кристоф. Афоризмы. – М.: Наука, 1964.

Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллин, 1992.

Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ., 2000.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. – М.: изд-во Московского университета, 1962.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс: сочинения, изд. 2, Т. 3. – М.: изд-во политической литературы, 1955.

Миллер А. В начале было воспитание. – М.: Академиче-

ский проект, 2003.

Михайлин В.Ю. Тропа звериных слов. Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети. – М.: ИФ РАН, 2015.

Носырев И.Н. Мастера иллюзий. Как идеи превращают нас в рабов. – М.: Форум; Неолит, 2013.

Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.

Обухова Л.Ф. Возрастная психология: учебник для бакалавров. – М.: Юрайт, 2013.

Обухова Л.Ф. Шаповаленко И.В. Формы и функции подражания в детском возрасте. – Изд-во МГУ, 1994.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. – М.: АСТ: СТ Москва, 2008.

Поливанова К.Н., Сазонова Е.В., Шакарова М. А. Что могут рассказать о современных детях их чтение и игры // Вопросы образования, 2013, № 4, с. 283–299.

Поляков А.Н. История цивилизации в Древней Руси, – Оренбург: ОГУ, 2011.

Пушкарёва Н.Л. Мать и материнство на Руси (X-XVII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: РГГУ, 1996а.

Пушкарёва Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов (X—XVII вв.) // Секс и эротика в русской традиционной культуре: Сб. статей.– М.: Ладомир, 1996b.

Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. – М.: Ломоносовъ, 2011.

Пушкарёва Н.Л., Экштут С.А. Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина в начале XIX века // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени – М.: РГГУ, 1996.

Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. / Том 7: Критика и публицистика. – Л.: Наука, 1978.

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010.

Руднев В.П. Истина и безумие // Московский психотерапевтический журнал, 2005, № 1, с. 5-31.

Рулан Н. Юридическая антропология. – М.: Издательство НОРМА, 2000.

Рэнд А. Романтический манифест. Философия литературы. – М.: Альпина Пабlishер, 2011.

Семенович А.В. В лабиринтах развивающегося мозга. Шифры и коды нейропсихологии. – М.: Генезис, 2010.

Сервис О., Галлахер Р. Начиная с малого. Научно доказанная система достижения больших целей. – М. : Манн,

Иванов и Фербер, 2018.

Сериков А.Е. Семиотические механизмы образования смысла как источники инноваций // Семиотика культуры: антропологический поворот (коллективная монография) – СПб.: Эйдос, 2011.

Симонова О.А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник СПбГУ Серия 12. Социология. 2016. Вып. 4. С. 12-27.

Слюсарев Н.С., Горбачева И.Г., Цветков А.В. Психология глупости: очерки НЕкритического мышления. – М.: изд-во "Спорт и Культура-2000", 2017.

Стивенс-Давидовиц С. Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о вас всё. – Москва: Эксмо, 2018.

Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. (Издание 4-ое). – К.: изд-во "Радянська школа", 1973.

Толкачёв Д.С. Политика регулирования сексуальности и стигматизации "Другого" в современной России: неравенство, социальное недоверие и коррупция. – Москва, НИУ "ВШЭ", 2016.

Томаселло М. Истоки человеческого общения. – М.: Языки славянских культур, 2011.

Улыбина Е.В. Обыденное сознание в картине мира личности: психосемантический подход. (дис. д-ра психол. наук). – М.: Российская государственная библиотека, 2003.

Уотсон Дж. Психологический уход за ребенком: пер. с англ. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

- Ушакин С.А. Поле пола. – Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО «Вариант», 2007.
- Фирсов Л.А. Память у антропоидов. Физиологический анализ. – Ленинград: "Наука", 1972.
- Фромм Э. Революция надежды. – СПб.: Ювента, 1999.
- Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М.: АСТ, 2006.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., А-сad, 1994.
- Фуко М. Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет – М., Магистериум, Касталь, 1996.
- Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. – СПб.: ИЦ "Гуманитарная Академия"; Университетская книга, 2004.
- Фурс В. Социальная философия в непопулярном изложении – Мн.: ПроPILEI, 2005.
- Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2016.
- Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. – Москва: АСТ: CORPUS, 2017.
- Шадрина А. Не замужем. Секс, любовь и семья за пределами брака. – М.: НЛО, 2014.
- Шварценеггер А. Вспомнить всё. Моя невероятно правдивая история. – М.: Эксмо, 2013.
- Шопенгауэр А. О различии между возрастами // Афориз-

мы житейской мудрости. – М.: Азбука, 2013.

Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996.

Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Вопросы социальной теории, 2008. Том II. Вып. 1(2), с. 72-87.

Эльконинова Л.И., Эльконин Б.Д. Знаковое опосредование, волшебная сказка и субъектность действия // Психология игры и сказки. Хрестоматия. – М.: АНО "Психологическая электронная библиотека" , 2008.

Энгельс Ф. Полю Лафаргу // К. Маркс и Ф. Энгельс: сочинения, изд. 2, Т. 36. – М.: изд-во политической литературы, 1964.

Юрганов А.Л. Из истории табуированной лексики // Одиссей. Человек в истории. – М., 2000, с. 194-206.

Ялом М. История жены. – М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Ясперс К. Духовная ситуация времени // Призрак толпы / Карл Ясперс, Жан Бодрийар. М. : Алгоритм, 2008

Cai, Q., Chen, S., White, S.J., Scot, S.K. Modulation of humor ratings of bad jokes by other people's laughter // Current Biology, 2019, Volume 29, Issue 14, Pages R677-R678.

DePaulo, B., Morris, W. Singles in Society and in Science // Psychological Inquiry, 2005, Vol. 16, Nos. 2&3, pp. 57–83.

Friedman, S.S. Women's Autobiographical Selves: Theory and Practice // The Private Self: Theory and Practice of Women's Autobiographical Writings. – Chapel Hill: University of North

Carolina Press, 1988.

Gazzaniga, M.S. *The Social Brain: Discovering the Networks of the mind.* – Basic Books, New York, 1985.

Gergely, G., Bekkering, H., Kirly, I. Rational imitation of goal directed actions in preverbal infants // *Nature*, 415 (2002), 755.

Klucharev V., Hytonen, Rijpkema M., Smidts A., Fernandez G. Reinforcement learning signal predicts social conformity // *Neuron*, 2009.

Koch H. The relation in young children between characteristics of their playmates and certain attributes of their sibling // *Child Development*. 1957. N 2. P. 175-202

LaPiere R.T. (1934). Attitudes and actions. *Social Forces*, 13,230-237.

Leder J. Adult sibling rivalry // *Psychology Today*. – 1993. – 26(1). – 56-63.

Levi-Strauss, C. *The Elementary Structures of Kinship*, – Boston: Beacon Press, 1969.

Naeem, M., Prasad, G., Watson, D.R., Kelso, J.A.S. Electrophysiological signatures of intentional social coordination in the 10–12 Hz range // *NeuroImage*, Volume 59, Issue 2, 16 January 2012, Pages 1795-1803.

Perez, A., Carreiras, M., Dunabeitia, J. A. Brain-to-brain entrainment: EEG interbrain synchronization while speaking and listening // *Scientific Reports*, volume 7, Article number: 4190, 2017.

Rajchman J. *The Story of Foucault's History* // *Social Text*.

1984. № 8.

Richardson, M.J., Marsh, K.L., Isenhower, R.W., Goodman, J.R.L., Schmidt, R.C. Rocking together: Dynamics of intentional and unintentional interpersonal coordination // *Human Movement Science*, 26 (2007), 867–91.

Rudder C. *Dataclism: Who We Are (When We Think No One's Looking)*. – NY, Crown Publishing Group, 2014.

Sedikides, C, Meek, R, Alicke, M. D, and Taylor, S (2014). Behind bars but above the bar: Prisoners consider themselves more prosocial than non-prisoners. *The British journal of social psychology / the British Psychological Society*, 53(2):396-403.

Slater, D. *Love in the Time of Algorithms: What Technology Does to Meeting and Mating*. Current Books, 2013.

Tomasello, M., Brian, H., Hagen, L., Josep, C. Reliance on head versus eyes in the gaze following of great apes and human infants: the cooperative eye hypothesis. *Journal of Human Evolution*. 2007, 52(3): 314-320.

Van Leeuwen, P., Thiel, M. Geue, D., et al. Influence of paced maternal breathing on fetal-maternal heart rate coordination // *Proceedings of the National Academy of Sciences* 106(33):13661-6 · August 2009.

Wicker, A. (1971). Attitudes vs. action: The relationship between verbal and overt behavior responses to attitude objects. *Journal of Social Issues*, 25, 41-78.